

S-T-I-K-S

АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ

ПРОЙТИ

ЧЕРЕЗ ТУМАН II

ПО МИРАМ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

Алексей Елисеев
S-T-I-K-S. Пройти
через туман II
Серия «S-T-I-K-S»
Серия «Пройти через туман», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70098454
SelfPub; 2023*

Аннотация

Я бывший военный, уже успевший отвыкнуть жить по уставу и выполнять чужие команды. Однажды прошёл через странный туман, и это кардинально изменило мою дальнейшую судьбу. Если в родном мире я старался никогда не брать на себя ответственность, то здесь приходится отвечать сразу за нескольких женщин. Вы правильно поняли, это Улей. Здесь меня крестили Орком. Пока пытаюсь устроиться в чужом, мрачном мире, где человеческая жизнь идёт по цене патрона, на горизонте уже собирались грозные тучи новых проблем...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	67
Глава 11	74
Глава 12	81
Глава 13	88
Глава 14	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Алексей Елисеев

S-T-I-K-S. Пройти через туман II

Глава 1

Я открыл глаза, недоумеваю, каким образом я снова незаметно для себя провалился в сон. «Гусар» скрипнул тормозами и плавно остановился. Именно из-за остановки я и пришёл в себя. Юным срывающимся голосом неизвестный поинтересовался с весёлым матерком у водителя, куда это он так разогнался.

– Вызвала группа Гантели, – с непробиваемым спокойствием ответил он, – Ездил за иммунными свежаками...

Ты ещё не видел человека, но манера речи, то, как он себя держит, его тембр голоса, уже располагают. Так бывает. Так случилось и сейчас, едва открыв глаза, услышал этот спокойный размеренный низкий голос и, понял, везёт нас человек свой, правильный. Тот, кто не станет суетиться и паниковать, даже если за его средством передвижения погонится самый развитый заражённый.

Дверца десантного отсека открылась, нас внимательно осмотрел юный парнишка лет шестнадцати в не по размеру

большом бронезилете, стальной каске, устаревшего образца и с пулемётом РПК на плече. Взгляд лениво проскользил по женщинам и задержался на мне.

–Этот тоже свежак? – с сомнением протянул он молодым ломающимся голосом, – Точно не заражённый? Уж больно рожа страхолюдная и взгляд недобрый...

–Ням-ням! – грозно рявкнул я и пожалел о своём чувстве юмора.

Мир вокруг меня пошёл кругом, а в глазах потемнело, но заметил, как от моей безобидной шутки парнишка отшатнулся. Мне на плечо успокаивающе легла ладошка Арманд.

–У нас тут кваз-юморист, парни... – со скрытой угрозой проговорил часовой, дав петуха на последнем слове фразы, – Не боишься, что намордник наденут?

Я не успел ничего ответить.

–Штык, группа Гантели ручается за свежаков, – вмешалась Кали, надавив голосом, – Они муров завалили столько, сколько ты, обсос малолетний, в своей жизни ещё не видел. Пропускай уже! Не видишь? Их пытали, нужно определить раненого к знахарю!

–Проезжайте...

Парень буркнул разрешение себе под нос и с силой хлопнул дверцей. Уазик тронулся дальше.

–Ну, ты как? – спросила меня Кали.

Красивая миниатюрная блондинка выглядела неотразимо, так, как и в первую нашу встречу. Ростом она была нена-

много выше Ани. Кукольные черты лица наводили на мысль о том, что перед тобой не человек, а андроид. Одета в мешковатый цифровой камуфляж, который был не в силах скрыть изящную фигуру и природную женскую грацию. Добавляла штрихов к портрету монструозная тяжеленная винтовка В-94 «Волга», примостившаяся рядом с ней в салоне. Я почти уверен – это она звякнула тогда в кафе металлом в спортивной сумке, ведь эта крупнокалиберная винтовка может быть сложена пополам.

– Нормально, – почти честно ответил ей я, – Немного в голове шумит, но всё равно эти муры бьют, как детсадовские девочки с бантиками. Готов тебе ещё ящик винишка поставить за ту книжечку. Спасибо.

Женщина улыбнулась.

– Да? По тебе так не скажешь...

– Нужно отлежаться пару дней и буду в норме, – ответил, ощупывая языком спиленные пеньки зубов, – Ничего смертельного.

– Я думала, что умру, когда они начали отрезать тебе пальцы, – встала Арманд, – Но перед такими нельзя показывать слабость.

В глазах пожилой женщины стояли слёзы. Ей досталось не так, как мне, но тоже немало. Хотелось как-то подбодрить её.

– Да, – согласился я, – Вы молодец, Арманд.

Потрепал её по коленке рукой. Женщина была голой, как и я, но для неё нашлась куртка, в которую она сейчас кута-

лась. Мне же пришлось довольствоваться куском брезента, чтобы соблюсти приличия.

Наш узик останавливали ещё два раза, прежде чем мы, собственно, въехали в стаб. Хотя по стабу мы ехали уже приличное время, наконец доехали до поселения иммунных, которое напомнило мне... Да, ничего не напомнило.

Железобетонные стены, взметнувшиеся на шесть метров ввысь, были бы похожи на плотину, если бы не башни. Через ворота нас не пропустили, так и тормознули в тоннеле под стеной, после чего всех разделили. Я хотел было возмутиться, но Мамба и Кали взяли меня под руки и успокоили, объяснив, что все новоприбывшие, должны пройти ментата.

–Заходите, – сказал бородатый мужик в бушлате и разгрузке, – Эриксон на месте.

Было градусов десять. После тёплого салона уаза я начал откровенно мёрзнуть. Приглашение оказалось кстати.

–Садись на стул, – Мамба подвела меня к табурету напротив обычного офисного стола, – Отвечай правдиво и проблем не будет. Я буду ждать тебя с той стороны.

Сказала и вышла. Вопреки утверждению бородатого, никого не было, и у меня появился шанс осмотреться. Серые стены из монолитного бетона, сейф, на столе компьютер и всё. Не интерьер, а дань аскетизму. Правда, под голыми ступнями был тёплый ковролин, а не холодный камень. И на том спасибо.

Мамбу и Кали заменили двое вояк в бушлатах песчаной

расцветки. Они хоть и держали автоматы на предохранителях, и даже, похоже, умудрялись дремать, но рука каждого лежала на оружии, позволяя щёлкнуть предохранителем в любой момент и полоснуть голого кваза очередью. Одна из ламп дневного света пищала и едва заметно помаргивала, но это было гораздо лучше, чем в неосвещённом тоннеле или в коридоре.

Похоже, у меня дёрнулся глаз, когда скрипнула дверь и в неё пригнувшись, вошёл кваз. Слишком были свежи воспоминания, как меня с шутками-прибаутками возил мордой по железнодорожной насыпи, такой же вот «товарищ». Однако при ближайшем рассмотрении он оказался не настолько здоровым и уродливым, как Акс. Этот также был широк, но отличался повышенной пузатостью. Кожа его напоминала крокодилию по текстуре и, видимо, по прочности тоже не уступала. Он опустил седалище в жалобно заскрипевшее кресло с противоположенной стороны стола.

Молча ментат смотрел на меня, а я на него. Пальцы пузатого кваза с пулемётной скоростью мелькали над клавиатурой. Так продолжалось несколько минут, а после начал подвывать, тарыхтеть и повизгивать древний матричный принтер. От неожиданности чуть не дёрнулся, но взглянув на напрягшихся бойцов за спиной, воздержался от комментариев. Ну их на фиг, с их принтером. Наконец, печатающее устройство выплюнуло обычный лист бумаги формата А4.

Вот только напечатанное заставило голову закружиться

ещё больше, там были непонятные, бессистемные символы – сердечки, точки, треугольники, квадратики, крестики, волнистые линии, пунктиры и чёрточки. Несколько быстрых щелчков мышкой и ментат обратил внимание на меня.

– Знаешь кто я? – спросил он грубым низким голосом.

– Эриксон? – наугад предположил я.

– Да, это верно. Эриксон, – он усмехнулся, показав два ряда острых жёлтых зубов, – Но гораздо важнее то, что я ментат.

– Это должно меня волновать?

Откровенно говоря, мне это интервью казалось какой-то фантазмагорией. Застенок гестапо, маскирующийся под офис, автоматчики за спиной, больше на грибников или рыбаков похожие, чем на бойцов, мигающая люминесцентная лампа, скрипучий матричный принтер и, наконец, листик с непонятными нечитаемыми символами. Мне неслабо прилетело от пиковых, так что соображал я туго.

– Мой дар позволяет распознать лживые и правдивые ответы, – пояснил Эриксон, – Волноваться стоит только, если ты замыслил недоброе. Твоей мента-карты нет в базе, где у нас занесены муры и прочая сволочь. Это хороший знак. Готов со мной побеседовать?

– Только если дадите глотнуть живуна...

Один из автоматчиков протянул мне свою флягу, к которой я припал ненадолго.

– Спасибо.

Поблагодарил я охранника, кивнувшего мне в ответ едва заметно.

–Как твоё имя? – спросил Эриксон.

–Илья. Илья Казанский.

–Мамба говорит, что крестила тебя Орком. Это так? – переформулировал он вопрос.

–Побрызгала на меня живуном и нарекла. Так.

–Мне не нравится наша беседа, Орк. Давай, ты просто о себе расскажешь?

Разговаривать мне не хотелось из-за шума в ушах и головокругления.

Глава 2

—Я перенёсся в Улей, пару недель назад. В самый первый час, ещё до обращения, встретил Кали. Она дала брошюру по выживанию, но так всё завертелось, что не сразу вспомнил про неё. Из книги научились делать живун. Несколько дней мы скрывались на квартире доктора, которая оказывала помощь раненому жандарму, – сообщил я, облизав губы, – Всё было хорошо. Я подламывал магазины и аптеки, убивал низших заражённых. А потом за нами пришла элита.

–Элита? – переспросил кваз с нечитаемым выражением.

–Да, – кивнул в ответ и пожалел, пол под ногами качнулся, – Элита. Пришлось с ней драться, не знаю... Получилось бы её угомонить или нет, но на счастье, появился беспилотник внешников или муров и истратил на неё четыре ракеты. Девочка из моего отряда... Аня услышала, как по радиоточке пиковые собирали всех на площади, побежала туда. Когда подоспел, с девчонки уже стаскивали трусы. Пострелял их, заминировал машину, ушли. При выходе из кластера встретились с квазом, который попытался нас убить. Потом отсиживались в промзоне...

Я замолчал.

–Может, воды? – спросил Эриксон.

–Можно живуна?

Мне подали фляжку, я снова сделал несколько глотков.

–Частить с этим делом нельзя, – поучительно сказал кваз, – А то могут быть последствия.

–Да, какие уж тут последствия? Мы в Улье, я уже мутировал. Вроде всё, что могло со мной уже произошло...

–О! – жутковато усмехнулся Эриксон, – Всегда есть куда хуже. Ты можешь начать мутировать дальше. Поверь мне, по сравнению с некоторыми, мы с тобой ещё красавцы.

Один из автоматчиков не удержался от скептического хмыканья, за что бы удостоен тяжёлого взгляда ментата.

–Что было дальше?

–Увидел, как шведская БМП догоняет мотоциклиста. Решил помочь. Сжёг коробочку из гранатомёта. Мотоциклист оказался Мамбой, окрестившей меня. Вместе отправились на речном трамвайчике вверх по течению. Без проблем прошли восемь кластеров водой, потом нас подловила ещё одна STRF-90. Корабль утопили, мы спаслись. Я и Арманд попали в плен. Дальше тебе известно. Всё.

Ментат кивнул.

–Известно, – подтвердил он, – И твоя история в общих чертах тоже. Но я должен тебе опросить. Такой порядок.

–Задавай. Я за порядок.

Эриксон криво усмехнулся.

–Вот это была ложь, но не это сейчас важно. Как ты связан с внешниками или мурами?

–Они пытались изнасиловать мою подопечную. Убивал их самих и жёг их технику, потом они меня захватили в плен и

пытали. Внешников не видел, только их беспилотники. Больше никак не связан.

В горле встал ком подступающей тошноты. Видимо, мозги мне сотрясли неслабо.

–Имеешь ли ты намерение навредить стабу Зимний или его гражданам? – продолжали сыпаться вопросы как из рога изобилия.

–Нет. Я... Никого не знаю из Зимнего. Только Кали и Мамбу...

Интервью продлилось ещё с двадцать минут. Ментат задавал вопросы, я боролся с дурнотой и отвечал. Эриксона интересовала безопасность стаба и он изменял вопросы, уточнял и заходил с разных сторон. Кроме всего прочего, он выяснил, скольких я убил муров и угробил их техники, записал все клички, которые я слышал. Оказалось, что знаю я, даже с отбитым напрочь мозгом, довольно немало. Мы подробно поговорили о технике, которую я видел. В заключении кваз спросил:

–Людей убивал до попадания в Улей?

–Какая разница? – осторожно спросил его, мечтая чтобы меня уже отпустили, – Мы в Улье. Прошлая жизнь осталась там. Даже имя новое. Какой смысл в этом вопросе?

–Вопрос несправедливый, – крикнул Эриксон, – Как ты успел заметить у нас тут война. А у тебя на плече татуировка с белым медведем в чёрном берете, якорем и андреевским флагом, про аббревиатуру ДШБ, я уж упомянуть не буду...

–Нет, – отрезал я, – Не убивал.

–Неправда, – усмехнулся ментат, – Врать бесполезно, я же сказал.

–Эриксон, чего ты от меня хочешь?! – я начал выходить из себя, – Я был на войне. Людей не убивал. У врагов пощады не просил и не давал.

–Хочу предложить тебе и здесь встать на венную стезю...

–Нет, – снова пришлось категорически отказать, – С меня войны пока хватит.

Кваз покивал лысой шишковатой башкой.

–Понимаю, – пробасил он, – С какой целью посещаешь стаб?

–Ищу относительно спокойное место, чтобы отлежаться, осмотреться, прийти в себя и принять решение, что делать дальше.

–Принято. Информацию по тебе отправил в мэрию. Документы или сам там заберёшь или девочки твои принесут. Вопросы больше не имею. Добро пожаловать в Зимний, Орк. Пойдём, я провожу тебя.

Мы прошли по длинному, узкому, извилистому коридору. Несколько поворотов обуславливались не косорукостью строителей, а оборудованными стрелковыми щелями, сейчас забранными бронезадвижками, но при необходимости в такую бойницу можно за одну минуту установить пулемёт или огнемёт.

На улице с той стороны стены я на секунду ослеп от яр-

кого света и увидел... Правильно. Ещё один укреплённый периметр основательных стен. Нет, тут была полукилометровая зона, где ютились какие-то временки, бытовки, сараи, быстросборные ангары, но на город это не тянуло никак. На языке вертелось слово «трущобы», но я промолчал.

Мне снова помогли забраться в «Гусар», который небыстро повёз нас за следующую стену. Вот, за ней уже расположилось что-то вроде посёлка городского типа. Здесь довольно пёстро перемешался частный сектор и городские кварталы, но обнаружился ещё один периметр стен. Какой мир, такие и города.

За третью городскую стену нас не повезли, а, покружив по второму внутреннему кольцу, высадили у добротного, основательного, трёхэтажного дома, выкрашенного в бежевый цвет. Больше всего оно походило на больницу или госпиталь советского периода. Как сразу выяснилось, оно и являлось здешним функциональным аналогом. Дом знахаря, так это называлось. После беглого, даже стремительного осмотра невысокий, громогласный, чернявый татарин с узкими, сутенёрскими усиками уложил на каталку и меня отвезли в палату.

Просторная, светлая, тёплая комната, шесть пустых коек, заправленных белым накрахмаленным бельём и синими шерстяными одеялами, шесть тумбочек, один шкаф убедили меня, что мы наконец-то в цивилизации. И пусть эта цивилизация странноватая, постапокалиптическая. Это всё мож-

но списать на условия мира, в который мы все так внезапно провалились. Люди есть люди. Тянутся в общество себе подобных, несмотря ни на что.

Оставшись один, я встал с койки и проковылял к неприемной двери. Бинго! Санузел с душем. Проверил воду. Горячая! Забравшись в ванну, улёгся в ней, уж очень голова кружилась. Взял кусок мыла с рукомоЙника и тщательно, с удовольствием намылился, не пропуская ни миллиметра своей кожи. Чисто по субъективным ощущениям, смыл с себя килограмм грязи, не меньше. Вытерся полотенцем для рук. За этим делом меня и застукал один из крепких мужиков, кативших меня на каталке по коридорам больнички.

–Слушай, болезный. Тебе Лакмус капельницу с горохом прописал, а ты тут сайгаком скачешь, – навёл на меня резкость местный санитар водянистых голубых глаз, – Быстро в койку и не вставать, пока знахарь тебя не осмотрит и не отменит постельный режим.

–Понял, – развёл руками я, – Извини.

Устроившись на койке, задал один вопрос.

–Слушай, а где симпатичные сёстры милосердия в белых халатиках на кружевное бельё?

–Это Улей, бро, – небрежно бросил он, – Привыкай к сосисочным вечеринкам.

Непонимающе уставился на него. Вблизи моё подозрение оправдалось. Санитар был пьян, но в вену иголкой попал с первого раза.

–Из мужиков выживает хорошо, если десяток на сотню, а женщин ещё меньше. Намного меньше. А сколько народу погибает по пути в нормальный стаб, от заражённых, муров или атомитов, никто и не считал, наверное, – он дыхнул на меня перегаром, – Дети, старики и бабёнки съедаются первыми. Кто самый слабый, те первые уходят. А сколько потом в первые несколько месяцев руки на себя накладывают...

Уже думал, что разговор окончен, но пьяненький санитар остановился в дверях и бросил через плечо.

–То, что ты довёл столько женщин в стаб, тебе зачтётся...

–Не довёл, – грустно поправил его я, – Нас муры подловили по пути.

Он пожал плечами.

–В первые дни их не бросил и дальше возился. Респект, моряк...

Санитар ушёл по своим медицинским делам, а я снова остался один.

Глава 3

Горячая вода, электрическое освещение, накрахмаленные простыни, работающее отопление. Привычные по прошлой жизни мелочи в Улье увидеть уже и не надеялся. Единственное, что меня напрягало – отсутствие оружия. Жизнь на кластерах приучила ходить даже до ветра с карабином. Незаметно для себя убаюкался и вырубился. Капельница приятно холодила изнутри измученное и избитое тело. Шум в голове постепенно стихал.

Разбудила меня Брусника. Услышав деликатное покашливание, открыл глаза и понял – сексапильные сёстры милосердия в белых халатиках на кружевное бельё всё-таки будут. Верней, будет. Одна. Брусника ногой закрыла дверь в палату и прошла к моей койке. Бывшая студентка принесла обед. Потянулся и посмотрел в окно. Скорей уж завтрак, на улице царило серое, тоскливо-унылое утро.

– Доброе утро, пациент, – улыбнулась мне девушка, – Ну? Как мы сегодня себя чувствуем?

Прислушался к себе. Голова ещё болела, но уже не кружилась, не было приступов тошноты, однако все мои ушибы хоть и меньше, но всё ещё болели, впрочем, также, как ампутированный палец на ноге и сточенные напильником зубы. Но стоило отметить, что болело всё намного меньше. Начался зуд, сообщавший о заживлении. Поведал о своих наблю-

дениях прелестной Синевласке.

– Хорошо, – серьёзно кивнула она, – Лакмус прописал тебе капельницу с раствором гороха и споранов. Так и должно быть.

– А как наши? Дарина... То есть Арманд и Аня. Как вы устроились? – задал я больше всего волновавший меня вопрос.

– Нормально устроились, – улыбнулась мне цветущая девушка, – Их поселили в бесплатном общежитии. Комната, как эта палата, только поменьше. Сделали айди – это такие документы здешние, заменяющий всё, паспорт и даже банковскую карточку. С ними поселили Мамбу. Пока, как и ты, все отсыплются. На столовку бесплатные талоны выдали.

Пока Брусника расставляла тарелки и плоски с едой на мини-столике и приводила мою постель в полу-сидячее положение, продолжала щебетать. Я погрузился в ауру тонкого цветочного запаха женских духов. Обострённое обоняние забилося в экстазе.

– Аня гуляет, общается с местной шпаной, в приставку режется и телевизор гоняет круглосуточно. Арманд больше лежит на своей койке, варит в голове какие-то собственные мысли. Мамба вчера проводила ревизию всего наличного оружия. Чистила железки, смазывала. Ружейным маслом вся комната провонялась. Нашей группе кое-что перепало с добычи от пиковых...

– Ты говоришь, они поселились, – ухватился я за стран-

ность, проскользнувшую в речи, – А ты? Не с ними, что ли? Почему так?

– Я получила мощный Дар знахаря, – пояснила Брусника, лучась довольством, – Благодаря тому, что ты дал мне съесть тогда жемчужину. Я из-за этого хиктер, но Дар знахаря – это очень востребовано здесь.

– Хиктер? – спросил знахаря, пережевывая кашу, оголодал, как лютый зверь, – Это ещё что такое?

Бывшая студентка присела на ближайшей кровати и сложила руки на аппетитных коленках с ямочками.

– Когда мы иммунные попадаем в Улей, происходит первичное заражение...

– Угу, – поддакнул ей, – Туман...

– Да, кисляк формируется на этой стороне. Это местные споры готовятся к инициации новичков. Как только заражение произошло, запускается активная перестройка организма. Знахари видят энергетические ауры, могут определять умения и видеть потоки энергии в организме...

– Угу... – на всякий случай поддержал разговор и сделал вид, что всё понял.

– ... И влиять на них. В первых несколько дней, максимум с неделю организм решает, будет ли он заражённым пустышом с перспективой эволюции или останется улучшенной версией себя прежнего.

– Я слушаю, – подбодрил я, задумавшуюся девушку, – На то, что жую, не обращай внимания.

– Кушай, тебе сейчас надо, – улыбнулась Брусника, – Прием жемчуга гарантирует, что Дар будет сильный. Это всё.

Прекратив работать челюстями, задал вопрос:

– Как понять, хипстер я или не хипстер?

Бывшая студентка прыснула от смеха.

– Хиктер, а не хипстер, – поправила она, – Я пока не знаю, как это делать. Мой знахарский талант скорее на исцеление развит, чем на определение тонкостей, связанных с Дарами. Лакмус давно в Улье. Уже несколько лет, и все эти несколько лет он в Зимнем главный знахарь. Он всё умеет делать, но лечит даже сейчас... Нет. Не хуже... Дольше, чем я.

– Хм... – глубокомысленно изрёк я, – Как так получилось?

– Лакмус говорит, от большого желания тебе помочь. Говорит, что ты стал мало изменившимся квазом, только благодаря тому, что я работала с твоей аурой почти неделю. Мы тогда думали, ты станешь как Сергей и Аксинья. Проснёшься, заурчишь и нас захочешь съесть. Страху натерпелись...

Доел всё, что принесла Брусника и вычистил куском хлеба тарелки, потому могу уже говорить нормально:

– И из-за этого...

– Да, – кивнула Синевласка, – Тогда мой Дар и активировался. Я почувствовала, что мне нужно работать с твоей аурой и как это делать.

– Когда меня осмотрит, Лакмус? – моё любопытство было непраздным, валяться в койке не хотелось, пока стоят дела.

– Сейчас мы заняты, – отрезала Брусника, – Я, вроде как, его ученица. Живу здесь. Работаю тоже. Сразу после того, как мы приехали, привезли троих трейсеров. Они схватились с Кусачом врукопашную и очень тяжёлые. Лакмус сказал, что если бы не я, то сам он сразу троих не вытянул бы.

– Мне бы узнать только, что с моим даром не так, и я бы уже с вашей больнички выписался...

– Нет! Ты что? Тебе ещё рано. Рёбра даже ещё не срослись, – Брусника начала убирать пустые тарелки, – Проткнёт тебе осколок кости лёгкое и что? Нам снова тебя штопать?

– Брусник, да, нормально всё будет...

– Ой, всё! – она привела мою койку в горизонтальное положение и положила руку на мой лоб, – Спи!

– Я не хо...

Договорить фразу не успел, сморило получше, чем от димедрола. Перед тем как уснуть, мелькнула догадка, почему я так отрубался до этого. Вряд ли виной тому сотрясение мозга. Это новоиспечённый знахарь на мне испытывала новообретённый дар.

На кластерах я спал вполглаза, так как постоянно присутствовал страх, что неслышно подкрадётся заражённый. Даже ползун может убить спящего без задних ног рейдера, если укусит в шею и порвёт сонную артерию, например. А после приказа Брусники провалился в царство Морфея так, как свет выключили. Уснул очень крепко. Без сновидений. И, вероятно, дрых бы себе дальше, если бы меня не начали на-

стойчиво тормошить за плечо.

– Орк... Просыпайся... Орк... Вставай... Орк... Очнись... Что они с тобой сделали? ... Орк...

– Ммм... – хрипло со сна, простонал я, – А ты как тут?

– Да, вот, – усмехнулась киргизка, – Уметь нужно! Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, – на автомате ответил я, – Так, Ань, какое ты имя себе новое взяла, а то по голове меня много били. Вот с этой стороны помню, а с этой нет.

– Я старое пока оставила, – на азиатской мордашке появилось обеспокоенность, – Ты память потерял?

– Нет, стрекоза, нормально всё...

– А когда тебя выпустят к нам? – не унималась бывшая беспризорница, – Я разузнала всё. Хоть ты проиграл пиковым, тебе премия положена. Про кваза Орка многие знают и многие говорят. Тебя уважают.

Уважение... Уважение – это приятно, но меня беспокоили совсем другие вопросы. Например, где я буду жить, чем питаться. Хотелось бы остаться под защитой мощных железобетонных стен и спать также крепко, как сейчас, каждую ночь. Но нужно ли говорить об этом девочке?

– Это здорово, – мой бодрый голос источал уверенность, – Только, я не проиграл.

– Почему ты не признаёшь, что проиграл? – удивлённо окинула меня взглядом Аня, – Ведь ты и Арманд попались, вас пытали...

– Почему...? Потому что мы произошли от предков, которые нас роднят с обезьянами. Строго говоря, мы приматы и есть.

В глазах девочки застыл вопрос и обеспокоенность.

– Я не понимаю. Ты хорошо себя чувствуешь?

Глава 4

– Ай, ладно! – попытался отмахнуться от подростка я, – Потом как-нибудь объясню.

– Нууу... пажааалста... Пжааалстаааа! – начала канючить Аня, – «Потом» – это значит «никогда». Не избавляйся от меня, как от назойливой мухи.

– Вижу, общение с Арманд пошло тебе на пользу, – щербатая улыбка продемонстрировала, каких зубов у меня не хватает, – Хочешь узнать, слушай не перебивай. В любой стае приматов есть своя иерархия. Так?

Девочка кивнула.

– Так! Наверное...

– Ты знаешь, как у них устроена вся иерархия?

– Ну, обезьяны сбиваются в кучу и творят всякое. Бананы воруют, кашками швыряются.

– Да, всё так, – подтвердил я, – Но иерархия – это немного другое. Она определяет, кто из них главней. У животных делят самцов по буквам греческого алфавита. Например, альфа-самец, бета-самец. Слышала о таком?

– Я знаю, что такое иерархия, – вспыхнула киргизка, – Почему ты мне всё как маленькой разжёвываешь?!

– Ну, в школе ты не училась. Просто хочу, чтобы ты поняла ситуацию и начала разбираться, наконец, что вокруг тебя творится, а ты меня перебиваешь. И постоянно мельте-

шишь...

– Училась я в школе и в детский садик ходила. Нормально всё было, пока не попала в наш дом ракета, а во дворе школы не установили гаубицы.

Я смотрел на девочку молча, пока та не успокоилась.

– Хорошо... Я слушаю...

Похоже, она действительно смирилась с моим старшинством. Ещё с полминуты разглядывал девочку. Не красавица, да, но очень мила. Приятное вытянутое лицо. Высокие скулы придают степнячке диковатой пикантности. Широкие чёрные брови врзлёт над умными, внимательными глазами. Фигурка девочки ещё совсем неженская, но некоторая плавность линий уже присутствует. Налюбовавшись, продолжил:

– В стаде приматов всем заправляет альфа-самец. Он самый старший, большой и априори агрессивный. Так устроено потому, что на самцах лежит определённая задача – защищать самок и детёнышей от хищников и других самцов...

– От хищников мне понятно. Они могут съесть, а от других самцов-то зачем?

– Потому что, чужие детёныши другим самцам не нужны. Природой заложено закрепление своих генов в потомстве. Понимаешь, как всё мудро устроено? Если этот самец победил альфу, значит, он лучше и сам достоин стать альфой. Он умней, хитрей, сильнее, быстрее...

На милой азиатской мордашке застыли сомнения.

– Да, уж... Умно, ничего не скажешь...

– Другие самцы могут убить чужих детёнышей, особенно если они слабые ещё и не смогут сами от него убежать.

– С самками понятно всё...

– Да нет, не думаю, что тебе понятно, – проследил за тем, как Аня уселась рядом с кроватью прямо на полу, и продолжил, – Самки... Они на самом дне стада приматов. Понимаешь? Они становятся переходящим призом от одного самца к другому. Человеческие сообщества очень просто проверить на цивилизованность. Чем ниже роль женщины в жизни, тем общество примитивней устроено.

– Угу, понимаю, – с готовностью кивнула бывшая беспризорница, – Только, пока не очень понятно, как это всё относится к твоему проигрышу.

– К этому я уже подошёл, – ухмыльнулся я девчужке, – Тестостерон знаешь, что такое?

– Мужской гормон? – неуверенно спросила Анна.

– Всё верно, именно так. Мужской, – авторитетно подтвердил её догадку я, – У женщин он тоже вырабатывается, но в гораздо меньших количествах. Этот гормон заставляет самцов приматов соревноваться, драться, выяснять, кто из них главный, и заниматься сексом.

– Я думала, это гормон агрессии, – засомневалась девочка, – Я что-то такое слышала до Улья ещё.

– Будь уверена, что за половое влечение он тоже отвечает, – солидно заверил беспризорницу я, – Так, вот. Когда два самца-бабуина дерутся за право стать альфой в своей стае,

можешь быть уверена, они залиты тестостероном по самые брови. И когда один побеждает другого, у проигравшего есть только два пути – быть убитым или встать на колени и быть изнасилованным победителем.

– О-Б-А-Л-Д-Е-Т-Ь...

Девочка была обескуражена новой открывшейся информацией.

– Обезьянки чаще всего не хотят погибать и становятся на колени, – продолжал нагнетать я мрачности в голос, – Поэтому их ритуально понижают до уровня женских особей.

– Это... Это...

Аня явно не находила нужных слов.

– Так вот, я на колени не вставал и вставать не намерен. Потому что свободы достойны только те, кто готов отстаивать и драться за неё каждый божий день.

Бывшая беспризорница пришибленно молчала, потрясённая шквалом свалившейся на неё информации.

– Кто проиграл – большой вопрос, – решил я усилить впечатление, – Да, я попался им в итоге, но меня и Арманд спасли вы. А кто вам не дал погибнуть в первые дни?

– Ты? – спросила меня Аня.

– Конечно, – кривая щербатая ухмылка украсила мою избитую, и без того мерзкую рожу, – А кто ещё? Значит, стратегия моя была правильная. Так? Можно посчитать, скольких потеряли мы. И сколько мур.

– Сергея-жандарма и Аксиныю, – подсказала мне Анна, –

Вспоминаю их...

– Я тоже вспоминаю, но нет, – решительно возразил своей подопечной, – Можем считать только тех, кто погиб в бою, Акси́нья оказалась заражённой и Сергей умер от ран и потери крови, значит, их записываем в небое́вые потери.

– Получается, что у нас потерь совсем нет, но как же нам посчитать, сколько убито пиковых? – мило озадачилась девочка.

– Помнишь, нас на мосту подкараулил Акс?

– Брр... Забудешь такое...

– Он говорил о восьми двухсотых и четырёх трёхсотых, помнишь? – спросил я.

– Да, – легко согласилась Аня, – Только я не поняла, что это значит.

– Двухсотые – это убитые...

– А трёхсотые живые? – удивилась девочка.

– Нет, конечно, – ухмыльнулся я в ответ, – Как бы тогда их записать в потери? Трёхсотые – раненые.

– Много... Восемь убитых и четверо раненых...

– Одного из них ты сама прибрала, – положился ладонь на узкое плечико и слегка сжал, – И ты молодчина.

Не давая Ане загрузить и сбиться с мысли, продолжил:

– Считаем дальше! Помнишь подбитый БМП STRF-90?

– Да, конечно, ты взорвал танк из такой... толстой трубы...

– Это не толстая труба, хотя и это тоже, но называется она

РПГ, что расшифровывается, как ручной противотанковый гранатомёт.

– А как БМП расшифровывается?

– Боевая машина пехоты. Такие специальные броневики, которые возят бойцов.

– Не знаю, на танк было похоже...

– Это и есть танк, только очень лёгкий и с десантным отсеком для пехоты, – упростил я задачу для девочки, – Так вот, экипаж этой БМП состоит из трёх человек, а десант из восьми. Сколько получается?

– Одиннадцать...

– А теперь выполним простой арифметический приём сложения, прибавим к этим одиннадцати ещё восьмерых и Акса.

– Двадцать?

– Верно, – согласился я с девочкой, – Двадцать и четыре единицы техники, три пикапа и одна БМП. Теперь давай посчитаем, сколько нас было.

– Я, ты, Брусника, – начала загибать пальцы девочка, – Арманд и Мамба.

– Нет, Мамба не считается. Она к нам присоединилась уже после всего.

– Тогда нас получается было четверо. Да?

– Четверо было в самом начале и четверо в конце, а мурсы по итогам недосчитались двадцати бойцов и четырёх единиц техники, – скромно уточнил я, – Скольких вы побили, пока

нас с Арманд пытали, я уже не знаю.

– Много, – сурово сдвинула бровки Аня, – И ещё побьём при первом удобном случае...

Что-то девочка начала погружаться в мрачные мысли, а это не дело.

– Можно задать личный вопрос? – спросил я её.

Бывшая беспризорница стрельнула в меня глазками и спросила:

– Какой?

– Почему ты не меняешь своё имя? Ты же хотела называться Покахонтас или как-то так? Я не путаю?

– Анар моё бывшее имя. Им родители меня назвали, а Аня это и так... Кличка, – тяжело вздохнула она, – За настоящее имя дразнились, так я стала Аней называться для всех.

В палату вошла Брусника.

– Я тебя к Орку пустила не для того, чтобы он волновался, ну-ка брысь! – сурово сказала наш знахарь.

– Бруська! Ну ты чего?! – начала канючить Аня, – Я же его не видела долго!

Глава 5

– Брысь! – прикрикнула на беспризорницу синеволосая девушка.

– Я же одежду принесла! – обиженно воскликнула Аня, – И документ!

– Ты не видишь, что у него в ауре творится? – возразила спокойней Брусника, – А я вижу. Четверть нитей покраснели и стали агрессивными, а это значит, что он уже сейчас готов вырвать капельницу из вены и побежать по своим делам. А ему нельзя!

– Мне у вас на больничке нравится, – слегка покривил душой я, но уж очень хотелось встать на сторону беспризорницы, – Чего это я сорвусь с такой удобной койки. К тому же мне нравится твой белый халатик. Он тебе идёт больше, чем камуфлю.

– Спасибо, – потупила глазки наша инопланетянка, – Но Анне пора уходить.

– Да ухожу я уже! – раздражённо ответила азиатка, подпустив в голос яда, – Ухожу!

Девочка положила пакет на соседнюю кровать.

– Вот, смотри, – она принялась доставать по одному предмету, – Могла немного ошибиться с размером, поэтому купила тебе спортивный костюм...

– Красный? – удивился я, – У меня никогда не было тако-

го... Эмм... Яркого... Спасибо.

Улыбнулся. Но это был ещё не конец. На койке появились нулёвые белые кроссовки, салатовая футболка, дутовая оранжевая куртка с белыми полосами, белая майка, и семейные трусы-парашюты в мелкий цветочек. После девочка покопалась во внутреннем кармане и достала карточку, очень похожую на водительские права с магнитной полосой.

– Это местные документы и банковская карта, на которой электронный кошелёк. Я не вижу ауры, как некоторые, но уже всё разузнала.

После этой фразы Аня показала язык Синевласке.

– В общем, айди тут так и так нужен, если решим задержаться или поселиться в Зимнем. Без этой карточки не пустят дальше Внешнего кольца, и расплачиваться в магазинах им удобней.

– Денег нет всё равно, – пожал плечами в ответ на это, – Какие ещё магазины...

– Спораны, горох, янтарь, жемчуг и есть деньги, – ого-рошила меня Аня и выпалила на одном дыхании, – Десять кредитов меняют на один споран, одну горошину меняют на пятьдесят споранов, одну чернуху меняют на двести пятьдесят гороха, а краснуха идёт по пятьсот гороха. А ещё, каждому свежаку в Зимнем дают подъёмный капитал. Это триста пятьдесят кредитов.

Я покрутил карточку в руке. Не больше, чем банковская по размеру. На одной стороне магнитная лента, номер, цвет-

ная фотография, позывной. Обратная сторона содержала те же символы, что распечатал Эриксон во время беседы, но в более мелком, убористом масштабе. Справа ещё одна матрица невнятных символов, обозначающая ментата, зарегистрировавшего меня в местной базе.

– Это ментат-метка, – принялась старательно пояснять Аня, увидев проявленный мною интерес к странному документу, – Она уникальна для каждого существа в Улье, и какую бы ты пластическую операцию ни сделал, эта метка никогда не изменится, говорят, что её тоже как-то можно подделать, но это проблемно.

Пока Аня мне всё объясняла, почти легла на мою подушку, якобы для того, чтобы видеть документ, показывая пальчиком на него. Она была так близко, что я ощутил цветочный запах шампуня, исходящего от тяжёлых, прямых, иссиня-чёрных волос. В завершении своих манипуляций чмокнула меня в щёку, и я почувствовал, что Анина рука скользнула под мою подушку, оставив там какой-то немалый предмет.

– Иди уж, – пригрозила суровым голосом начинающий знахарь, занимавшаяся капельницей, – Или я сейчас охрану кликну...

– Всё, убежала! – сделала ехидный выпад беспризорница, – Можешь теперь сколько хочешь тереться о крепкое тело кваза своими дойками!

– Вот, я тебя сейчас...

Синевласка попыталась ухватить Аню, но та мгновенно переместилась ей за спину и предприняла попытку бегства.

– Выздоровлявай, Орк! – одарила меня улыбкой девочка и хлопнула дверью.

Бывшая студентка проводила её взглядом:

– Вот, зараза...

– Девчонка только ожила, – ответил ей я, – Улей у нас многое отобрал, но и подарил кое-что взамен. Анька на равных правах влилась в коллектив, где она нужна и представляет ценность, а до этого была сама по себе, совсем одна.

– Да, она рассказывала, – согласилась наша инопланетянка, – Как её вокзальные били и попрошайничать заставляли.

– Ты бы с ней не так сурово, – щербато улыбнулся я, – Она не со зла.

Брусника закончила с капельницей и спокойно кивнула.

– Еду скоро принесу. Пока поспи.

– Я не хо...

Девушка дотронулась нежной ладошкой до моего лба, словно хотела проверить температуру и я, не успев закончить фразу, провалился в сон.

Обычно мне ничего не снится, но, по всей видимости, безделье спровоцировало находящийся на голодном информационном пайке мозг к подобным вывертам. Приснилось, что я снова в своём мире, в военкомате, сижу в коридоре. На мне одни трусы в цветочек, которые мне подарила Аня, а руки нервно сжимают медицинскую карту рекрута.

Это было странно, потому что я демобилизовался больше шестнадцати лет тому. Никогда не стремился к службе в элитных частях и не грезил стать кадровым военным. Учился в гражданском ВУЗе, была там и военная кафедра.

А потом со мной случилась присяга, унтер-офицерская школа, а после война, названная впоследствии Первой Балтийской. Череда лихих боёв, затяжное сражение за прибалтийский город Палдиски. Как потом с удивлением узнал, это странное название имеет родной, славянский корень и происходит от нашего названия Балтийский. Так что в некотором роде, мы вернули тогда себе своё. Три года боевых действий, и я стал фельдфебелем в запасе.

Попал во сне к полковнику и сказал ему, что мне вообще-то сорок три года. Он-то мне и объяснил, что это не препятствие к тому, чтобы отдать Родине все долги, и без паузы начал рассказывать, куда заступать, что с собой брать... Сделав лицо кирпичом, начал кивать и соглашаться, решив делать ноги. Я уже отслужил срочную и всё, что мог, отдал Корпоративной Республике. Повестки не было, приказа не было, если ещё не начал впадать в деменцию, но я до неё ещё вроде не дорос... Пока ничего не подписал, лучше спокойно уйду. Что я тут делаю? На основании чего? Какого чёрта?!

Внутри меня гремучей гранатой нарастал протест, но военные не та публика, чтобы с ними обсуждать то, что моё нахождение в действующей – армии явная ошибка, поэтому я просто дождался, когда красноречие отца-командира закон-

чится, и спросил:

– Разрешите идти, господин полковник?

И получил в ответ вальяжное:

– Идите...

Проснулся после того, как вышел из военкомата. Долго лежал, смотря в идеально-белый потолок с лепниной, и слушал через открытую форточку, как дворник болтает с собакой Жучкой. Ещё некоторое время думал над вопросом, что меня больше возмутило – что остальные сослуживцы, живые и мёртвые, во сне со смирением воспринимали свою долю тянуть военную лямку во второй раз, хоть это и незаконно, или несправедливость по отношению ко мне.

Так я прожил на больничке ещё несколько дней. Все синяки, кровоподтёки и ссадины сошли уже вечером второго дня. Сточенные зубы отрастали с невероятной скоростью, как и отрезанные пальцы. Если зеркала не было я мог только ощущать, как зубы изменяются в размере, то вот за ростом пальцев наблюдал спокойно. Маленькие, покрытые розовой тонкой кожей, они прибавляли в размере каждый день, но пока не хотели подчиняться.

Ученица знахаря пояснила, что это из-за того, что нервная система там хоть и растёт, но пока не подключена к моей, чтобы избежать неприятных ощущений. Каждое утро, просыпаясь, ощущал на себе и постельном бельё тонкий аромат духов, какими пользовалась Брусника, витавший всю первую половину дня вокруг меня. Что может взбодрить лучше, чем

запах молодой половозрелой женщины? Это будоражило воображение, заставляя вспоминать совместную ночь в подвале. Теперь становилось понятным, как я вообще мог уснуть, когда рядом со мной лежала полностью обнажённая, молодая, доступная, сексуальная девушка. Одна из граней её знахарского таланта позволяла ей с помощью прикосновения погрузить иммунного в сон.

Глава 6

Что она успешно делала каждый вечер перед тем, как приступить к лечению, вероятно, чтобы избежать неудобных ситуаций и разговоров, а может, и поползновений с моей стороны. Однако, несмотря на неудовлетворённость, меня положение дел полностью устраивало. Завязывать долгие отношения и создавать ячейку иммунного постапокалиптического общества с Брусникой я не хотел по своим собственным соображениям, а обижать не чужую мне девушку разовым торопливым сексом... Нет. Лучше решу этот вопрос по-другому, после того как покину Дом Знахаря.

Перед «выпиской» мне нужно было поговорить с Лакмусом, местным главным знахарем. Невероятно занятой человек наконец-то сумел уделить мне время, и я вошёл к нему у кабинет.

– Уютно тут у вас, – огляделся я, – И презентабельно.

Если всё в заведении напоминало советскую больницу или даже военный госпиталь годов так семидесятых, то кабинет главного знахаря был скорее похож на рабочее место скромного миллионера где-нибудь в загородном доме. Не очень разбираюсь в стилях оформления, но как по мне, всё это обилие деревянных панелей морёного дуба, презентабельный стол, камин и несколько персидских ковров отдавали чем-то вроде стиля викторианской Англии.

– Стараюсь, – хмыкнул коренастый мужчина, – Давай на «ты» Орк! У нас так в Зимнем издавна принято, да и вообще в Улье народ повсеместно за простоту общения.

Лакмус производил впечатление полного несоответствия. Это был энергичный, чернявый татарин невысокого роста. По взгляду угадывалось, что когда-то он носил очки, но в Улье они перестали быть нужны, хотя некая беззащитность во взгляде осталась. Короткая стрижка и аккуратные тонкие усы усиливали впечатление интеллигентности, но здоровенные кулаки, мозоли на костяшках пальцев и натруженные руки как-то сразу ломали это впечатление. Красивый, ладно сидящий костюм-тройка, пиджак которого сейчас небрежно был брошен на спинку антикварного кресла, подчёркивал богатырскую ширину плеч. На кривых ногах, выдававших потомка степных наездников, были надеты до блеска начищенные хромовые сапоги.

Не соответствовал глубокий и громкий, хриплый голос небольшому росту и интеллигентному образу. С такой громкостью нужно на рынке торговать рыбой. Одним словом, составить какое-то единое впечатление о Лакмусе не представлялось возможным. Франтоватый вид знахаря заставил меня комплексовать из-за своего красного спортивного костюма, но удивительно, этот мужчина разрушил всю мою неловкость несколькими фразами.

– Падай, где тебе удобно, Орк, – небрежно махнул рукой он, – Тебе налить чего-нибудь? Есть хороший односолодо-

вый виски, бренди и коньяк.

Без перерыва на мой ответ он воткнул толстый палец в клавишу селектора и протараторил:

– Джулия, детка, принеси мне и моему другу кофе! – отпустив кнопку, он повернулся ко мне с улыбкой, – Бабы, блин, имена себе выбирают иной раз такие, что не выговорить. Машек, Дашек, Глашек и не сыскать в Улье, в какую ни ткни, попадёшь в Джулию или, например, Адалинду.

Я разместился в кресле напротив стола и решил выразить свою признательность:

– Спасибо за то, что приютили и подлечили...

– Что ты! – замахал руками знахарь, – Что ты, Орк! Мы все тебе обязаны за женщин, которых ты вывел с мерцающего московского кластера, и особенно за Бруснику. Признайся мне честно! Ты накормил её жемчугом?

Чёрные глаза Лакмуса блеснули азартом, он впился в меня взглядом. От такого внимания стало не по себе, но я нацепил на себя покер-фейс.

– Какое это имеет значение? – осторожно спросил у знахаря.

Лакмус навалился на стол локтями, подавшись ко мне всем телом, понизил голос:

– Знахарю можно такое рассказывать. О Дарах, о приёме жемчуга и всяком таком. Будь уверен, дальше меня это не пойдёт. Можно считать, что ты на приёме у врача.

Кивнул ему в ответ.

– Да, мне о таком уже говорили. Мы выходили из городских кластеров. Я боялся, что не вывезу сопровождения троих женщин, и решил усилить группу, а в книге было написано, что приём жемчуга провоцирует развитие мощных способностей, – развёл руками, – Это сработало только на Ане и частично – мне.

Вошла, стуча каблучками, стройная блондинка в белой блузке и чёрной юбке, в руках у неё был поднос с двумя чашками кофе.

– Спасибо, Джулия! – энергично поблагодарил её знахарь, одарив белозубой улыбкой, и подошёл к бару, – Так чего тебе налить?

– Коньяк, пожалуй, – засомневался я, увидав изобилие бутылок разной формы в мини-баре, – Нет, не надо в колбу, хватит рюмки.

– Как скажешь, – улыбнулся Лакмус, – Почему ты думаешь, что на Ане и тебе Дар проявился частично?

Пожал плечами в ответ.

– У нас был случай с одним сильным иммунным, – ответил я, – Аня выдохлась, не успев, использовать свой дар и нанести вред, а я жахнул так, что сам отключился на несколько дней...

– Ну, то есть ты относишь ваш недостаток опыта насчёт того, что дары слабые, так? Будем! – собеседник отсалютовал мне колбой с коньяком.

– Будем! – отпил кофе и опрокинул в себя горячительное.

Словно хлебнул ласкового золотого огня. Коньяк согрел изнутри, оставляя приятное послевкусие.

– Представь, Орк! – Лакмус с порозовевшими щеками принялся за объяснения, – Всю жизнь ты ползал, а сейчас у тебя выросли два крыла, и ты тут же бросился в пропасть, а после того как у тебя вышла неудачная посадка, ругаешь крылья.

– Всё из-за того, что мы не умели пользоваться Даром?

– Конечно, – улыбнулся он, – Твой дар совсем не слабый. Во-первых, ты убил не просто иммунного... Кваза, а во-вторых, убил дистанционно...

– Ты и это знаешь? – хотел вскинуть брови я, но развитые надбровные дуги не дали этого сделать.

– Привыкай, – назидательно ответил Лакмус, разливая по второй, – Нас, иммунных, не так много, а тут, на глубоком северо-востоке, вообще всё друг у друга на виду. Вообще то, что вы смогли справиться с Аксом... Это невероятная удача. Он был сначала правильным рейдером, пока не ссучился и не продался внешникам. После этого рейдер кончился, появился беспощадный охотник за головами...

То, что теперь каждая собака в курсе, что это я убил Акса – плохо. Это мне пока повезло нарваться на его врагов, но ведь и друзья у него были наверняка. Вдруг кто-нибудь из них захочет отомстить? Почему нет?

– Сам ты, как я вижу, съел не одну жемчужину? – резко сменил тему и прищурился знахарь, а затем посмотрел слов-

но сквозь меня, – Так? Какой цвет был?

Я всё ещё сомневался, имеет смысл говорить всю правду, или нет, но если знахарю нельзя говорить правду, то кому вообще можно?

– Сначала чёрную, через несколько дней красную...

Лакмус весело выматерился.

– За твою удачу, Орк!

– За удачу, – без энтузиазма поддержал его я, – Только посмотри на меня Лакмус, и ответь, так ли я удачлив?

– Ты, вероятно, имеешь в виду свой необычный вид?

– Именно его и имею...

Он подошёл ко мне и поводил руками над головой, словно экстрасенс какой-нибудь, но, в отличие от них, под руками Лакмуса возникло осязаемое покалывание.

– Отчётливо вижу, что у тебя не один, а два дара, – сообщил он мне, – Первый довольно мощный, про него ты уже все знаешь. Он был твоим изначальным, который ты приобрёл в Улье, чёрная жемчужина тебе его прокачала очень серьёзно. Открыты три грани. Вижу также второй дар.

– Жемчужина превратила меня в кваза, – вставил я, – Вот она, ложка дёгтя в бочке мёда.

– В смысле обратная сторона медали, ты имеешь в виду? – заинтересовался выражением знахарь.

– Именно...

– Нет, – отрезал он, убирая руки от моей головы, – Энергетически чёрная жемчужина вписалась в твой энерго каркас

если не идеально, то близко к этому. Квазом ты стал, потому что испытал сильное спортивное голодание в первые дни после того как сюда попал. Оно тебе и подсуропило.

Глава 7

Знахарь вернулся к себе за стол.

– Ты, Орк, раздобыл жемчуг. Только не отвечай мне, где и сколько. Я вижу, что ты им поделился со всеми женщинами, вывел их без потерь, получил мощный боевой дар, мог стать хиктером, но не стал, – начал перечислять он, – Кроме всего прочего, у тебя формируется ещё один Дар.

Лакмус, явно наблюдая мою реакцию, спокойно улыбнулся.

– Дар? Второй Дар? Какой? – переспросил я, пытаюсь уложить в голове новую информацию, – Но я и первым ещё не умею пользоваться.

– Какой пока неясно. Управлять ими несложно, – пожал плечами мой собеседник, – Тумблер включения и отключения, как пульт тонкой настройки, расположен в твоей голове. Активация дара уже произошла. Никто не включит твой дар лучше тебя.

– Погоди, Лакмус. Я пытался выстрелить разрядом электричества, как это у меня получилось однажды...

– Как получилось в первый раз? – перебил меня знахарь, недослушав, – Как ты ударил им в первый раз.

– Ну, меня бы убили в следующую секунду...

– Ясно, – энергично кивнул Лакмус, – В иммунных живёт паразит. Некоторые считают, что это вирусное зараже-

ние, другие говорят о спорах, что намекает на грибное происхождение, но важно то, что симбиотический организм обладает определёнными реакциями, схожими с нашими безусловными рефлексам.

Знахарь отсалютовал мне своим кубком и выпил, осталось только его поддержать.

– Люди валяются в Улей со времён Древнего Египта и падения Трои, – терпеливо объяснил мой визави, – Возможно, проваливались ещё раньше. Сам понимаешь, археологические раскопки проводить тут довольно проблематично. Главное то, что за это время мицелий адаптировался на взаимодействие с нашим видом и выработал устойчивые реакции. Когда тебя должны были убить, симбионт внутри тебя активировал все доступные ему возможности и ресурсы, чтобы спасти своего носителя.

– Хорошо, – кивнул я ему в ответ, – Как мне уговорить своего пассажира повторить фокус, тот фокус? Что-то он меня не очень-то понимает.

– Представь, что ты обрёл крылья, – снова улыбнулся Лакмус, – Мышцы необходимые есть, перья там маховые, ты знаешь, что для того, чтобы полететь, нужно крыльями махать. Всё у тебя для полёта есть, но ты никогда не летал. Нет понимания того, сколько нужно сделать взмахов, чтобы подняться на двадцать метров, на пятьдесят. Понимаешь к чему я клоню?

Допил свой коньяк и поставил рюмку.

– Если честно, не совсем. Ты к тому, что это как заново учиться ходить?

– Точно, – кивнул он в ответ, – Но всё же, аналогия не совсем верна. Скорей, речь идёт о чём-то вроде езды на велосипеде. Потому что пользоваться ногами естественно для нас, а вот управлять транспортным средством, пусть таким несложным, как велик, нет. Ты должен выработать устойчивый приобретённый рефлекс.

В кабинете повисло молчание, слышно было, как тикают солидные механические часы, и потрескивают в камине дрова.

– Это понятно, – наконец ответил я, – Но как? С чего начать? Дар не слушается меня.

– Умеешь пупок морщить? – ухмыльнулся знахарь.

– Что? – не сразу дошло до меня, – Нет. Думаю, нет. Я никогда не пробовал.

– Только тут не пробуй. Мне дорога в этом кабинете каждая вещица, – сказал Лакмус, – Сейчас ещё по одной, и поедем на полигон.

Я отказался продолжать, но Лакмус только ухмыльнулся в ответ и сказал, что это часть процедуры активации. Алкоголь необходим для того, чтобы раскрепоститься и выпустить инстинкты на волю. Мне оставалось только довериться профессионалу. Во дворе «больнички» нас встретила Аня, ждавшая моей выписки на лавочке.

Местное поселение иммунных на стабильном кластере со-

стояло из трёх основных районов. Цитадели – центральной, самой старой и самой укреплённой части этого городка, в которой обитали местные старожилы и основатели Зимнего. Города, как называли районы, укрывшиеся между первым и вторым поясом стен. И Внешнего Кольца, где жили свежаки и неграждане. Несложно догадаться, что все складские зоны и промышленность находились именно во Внешнем.

Дом Знахаря располагался в Городе. Улицы здесь покрывала ровная мостовая. Ливневая канализация хоть и работала исправно, но с большим количеством тающего снега справлялась посредственно. Из-за нескольких десятков «зимних» кластеров в округе, прилетавших в Улей прямым из Якутии, Камчатки, Магадана, побережья Белого моря и с Аляски, снег в этом стабе был привычным делом. Однако, на зиму с трескучими морозами это всё равно не тянуло. Скорей на позднюю осень со снегом или ледяным дождём. Несколько угольных котельных справлялись с центральным отоплением Цитадели и Города, во Внешнем же Кольце с этим справлялся каждый, кто во что горазд. Сойдя с крыльца, я наступил своими белоснежными кроссовками в одну из чёрных от угольной сажи луж и выругался, почувствовав, что промочил ногу.

Из-за тяжёлых туч выглянуло солнце или то, что его тут в Улье заменяло. Пахло тающим снегом, сыростью и угольной пылью, но именно сейчас хотелось дышать полной грудью и наслаждаться моментом.

Немного щурясь от яркого света, я пролистал выданные мне санитаром брошюры. Первая оказалась копией той самой книжечки, давшей нам всем возможность выжить в первые дни в Улье. Сейчас я уже знал всё, что там написано наизусть, но выкидывать не стал, а бережно положил в карман. Вторая книжка была почти точной копией первой, только сообщала о правах, обязанностях и льготах, какие положены в Зимнем всем тем, кто только в него прибыл и является свежаком, как я.

Законы запрещали убийства, воровство и драки, что являлось адекватными требованиями цивилизованного общества. Однако законы стаба разрешали дуэли. Да... Без постапокалиптической жести тут не обошлось. В периметре городских стен разрешались только пистолеты и любое холодное оружие, с обязательным открытым ношением. Никаких скрытых кобур. Всю прочую стрелковку хранить и носить не запрещалось, но только в разряженном состоянии и в зачехлённом виде, или просто в сумке.

– Привет, – подошла Аня ко мне, – Выписали?

– Вроде того, – согласился я, – Давно ждёшь?

– Минут двадцать... Бруська позвонила, сказала, что выписывают тебя, я и пришла, а внутрь не пускают.

– Не пускают, – пояснил Лакмус, – Потому что я запретил.

Я вопросительно посмотрел на знахаря, но киргизка опередила меня.

– Почему?! – возмущённо спросила она.

– Потому что в Дом Знахаря запрещено проносить оружие без согласия охраны, а вы, юная барышня, – Лакмус ухмыльнулся и нажал на кнопку брелока сигнализации, – Тайком пронесли пистолет, который сейчас лежит в левом внутреннем кармане куртки Орка.

Фарами моргнул ярко-красный импортный спортивный автомобиль незнакомой мне марки.

– Но тут Улей, кругом мертвяки, – начала возражать Аня, – Я боялась за Орка.

– Похвально, – кивнул Лакмус, – Но это не повод нарушать правила.

Аня возмущённо фыркнула.

– Кринжовые правила...

– Поехали, – бросил мне знахарь, – Нам во Внешнее Кольцо, проскочим минут за пять.

– А вы куда? – заинтересовалась девочка, – Можно мне с вами?

– Мы на полигон, – пояснил Лакмус, падая в водительское кресло, – Можно? Даже не знаю...

– Пожалуйста! – попросила бывшая беспризорница.

– О! – усмехнулся он, – Ты знаешь волшебное слово! Тогда, пожалуй, можно. Если, конечно, Орк не возражает.

– Не возражаю, – кивнул я, – Чур, я на заднем сидении.

– Спасибо! – Аня кинулась мне на шею и с минуту на ней висела, болтая ногами в воздухе.

Мустанг Знахаря обладал очень мощным двигателем, со-

четавшимся с невероятно мягким ходом. Если Город был похож на город, машина в котором смотрелась довольно органично, то вот Внешнее Кольцо выглядело не так презентабельно, и ярко-красный автомобиль прохожие провожали взглядами.

Глава 8

Полигон представлял собой железобетонную коробку без крыши, куда нас пустили бесплатно, увидев, что мы с Лакмусом. Оказавшись внутри, он научил меня «морщить пупок». Минут за десять неудачных попыток удалось «договориться» с мицелием, что новая моторика пупка отвечает за Дар.

Показалось даже, что я ощутил резерв своего внутреннего аккумулятора. Целью для «молнии» послужила металлическая бочка.

– Прицелься в неё указательным пальцем, – говорил, со знанием дела, знахарь, – А теперь морщи пупок и стравливай потихоньку...

Из моего указательного пальца с треском ударил одиночный электрический заряд. После того, как я проморгался от яркой вспышки, оказалось, что в воздухе стоит запах озона, бочки на месте нет, а я почувствовал как меня одолевает слабость. Нестерпимо захотелось приложиться к фляге с живуном.

Лакмус загадочно улыбался. Аня прыгала от восторга. Лишь я глуповато моргал, никак не в силах поверить, что всё получилось. Девочка легко сорвалась на бег, помчавшись искать бочку, а мы со знахарем последовали за ней. Бывшая беспризорница разразилась новой порцией восторгов, когда нашла несчастную металлическую тару на двести литров. В

толстой стенке была прожжена дыра с кулак.

– Ну вот, – без удивления сказал Лакмус, – На этом мою консультацию можно считать оконченной. Регулярно морщи пупок, стреляй из пальца молнией и не забывай пить регулярно горох.

– Как регулярно? – уточнил я.

– Начни через день. По крайней мере, первый месяц. Грамм по двести пей, – ответил знахарь, – Если почувствуешь, что мало, попробуй каждый день. Если не будет головокружения, болей, тошноты, продолжай пить каждый день, но дневную дозу не увеличивай. Не нужно злоупотреблять биологическими продуктами чужой биохимии, к тому же очищенными от ядов через марлевый фильтр.

– Понял. Спасибо. – поблагодарил я Лакмуса, – А как быть со вторым Даром?

– Он у тебя не проявился ещё... Начни пить раствор гороха, как я сказал. Хорошо бы чёрный или красный жемчуг принять под моим надзором, но откуда его взять? – Лакмус назидательно поднял палец, – Но сам не ешь жемчуг, даже если попадётся. Штуки это дорогие и редкие. Даже свежаки глотают его прямо на кластерах, так сказать, во избежание... Но в твоём случае всё может закончиться усугублением мутации.

Знахарь улыбнулся, подмигнул и ушёл, а я остался на полигоне, смотря вслед франтоватому мужчине в начищенных сапогах. Кто-то меня подёргал за рукав. Обернулся, но нико-

го не увидел. Аня уже переместилась в другую сторону при помощи своего дара аномальной скорости.

– Хочешь, покажу, чему я научилась, пока тебя лечили? – с хитринкой в раскосых глазах спросила девочка.

– Конечно, стрекоза! – ухмыльнулся я, – Давай, показывай!

Мы переместились к мишеням, где Аня достала своего «Носорога» и показала. Я не сразу понял, что я увидел. Глаза отмечали всё, но разум не успевал обрабатывать и осознавать. Бывшая беспризорница поразила три мишени, стоящие довольно далеко одна от другой. Треск револьверных выстрелов слился в сплошную канонаду. Фигура девчушки последовательно появилась в трёх разных местах в общей сложности, преодолев метров шесть-семь. Не веря своим глазам, прогулялся до мешеней. Для пистолета довольно точно получилось. Шесть-десять-семь-восемь.

– Ну как? – спросила девочка, сияя как начищенный пятак.

– Отлично! – похвалил её я, – Сколько ты патронов сожгла, пока научилась?

– Около двух сотен, – похвалилась Аня, – Пару дней тренировалась.

Представил, сколько тут могут стоять патроны, и мне поплохело. Пока девочка отпивалась живуном, я потренировал свой Дар, параллельно соображая, чем можно заменить дорогостоящий боеприпас. На практике выяснил, что мой пре-

дел по дальности составляет от восьми до двенадцати метров. Всё зависело от вложенной в разряд энергии.

Несколько раз довёл себя до полного истощения, симптомы которого до удивительного точно напоминали споровое голодание. Лечились они точно также – отдыхом и приёмом живуна. Если судить по размеру отверстия в металле многострадальной бочки, то «выстрелить» молнией на восемь метров и оставить отверстие с копеечную монетку я мог шесть раз до наступления полного истощения. Этого, по моим прикидкам, должно было хватить, чтобы фатально огорчить заражённого вроде лотерейщика. Выходило, что мой Дар довольно неплохое подспорье в бою. Если учесть полную перезарядку в течение пары часов, так и вообще замечательно. Относительная тишина использования, когда электрический заряд выходил не такой мощности, чтобы провоцировать взрывную волну. С неразвитыми заражёнными должно быть совсем всё просто, если научиться выдавать импульсы чуть мощней электрошокера. Их тела ещё не претерпели кардинальной перестройки, так что должно получаться их не убивать током, а парализовать, а добивать уже тесаком или топором. Однако, сколько я пупок не морщил, именно небольшие, дозированные импульсы совсем не получались. Пока восстанавливался, сидя на скамейке у железобетонной стены, мне пришла в голову мысль.

– Аня, – обратился я девочке, – Скажи, а если нам придётся экономить живун и боеприпасы, ты сможешь не стре-

лять из пистолета, а кинуть чем-нибудь?

– Чем? – внимательно посмотрела на меня бывшая беспризорница.

– Да, вот... Хотя бы вот этим камешком.

Подобрал небольшой угловатый гранитный кусок щебня, валявшийся у нас пол ногами. Дал девочке. Та покрутила его в руках. Подобрал ещё один.

– Сможешь ускориться на короткий промежуток времени?

– Насколько? – уточнила Аня.

– Мне сложно, так сказать, – засомневался я в собственных возможностях растолковать, чего я хочу от неё добиться, – Давай, лучше покажу...

Выбрал исклёванный пулями небольшой деревянный столбик, неизвестно, для каких надобностей вкопанный неподалёку, и принялся показывать.

– Нужно непросто зашвырнуть камешек, а попасть им, – показал замах и как нужно метнуть снаряд, – Только кинуть его надо в то время, когда ты делаешь шаг. Чтобы получилось дополнительное ускорение. Поняла?

– Поняла...

– погоди, – я принялся заново всё показывать, – Вот, смотри... Прицелилась. Ускорила. Делаешь небольшой шаг вперёд и одновременно с ним бросаешь.

Мой неказистый снаряд с деревянным стуком попал в столбик и бессильно отскочил.

– Понимаешь? – спросил у девочки я, – Когда кидаю я, ускорение от шага совсем незначительное. Смешное, можно сказать. До какой скорости разгоняешься ты под своим действием Дара, даже не берусь предположить, но должна получиться солидная прибавка, даже если ты совсем несильно бросишь. В первый раз, главное, просто попади в столб.

– Угу!

Девочка принялась осуществлять задуманное. Первый раз она промахнулась – Камень попал в железобетонную стену, разлетелся на части, но оставил выщерблену, как от попадания из крупнокалиберного пулемёта. Вторую попытку мы также сочли неудачной из-за того, что Аня сначала шагнула, потом метнула камень. Тем не менее, в столбик она попала, и мы полюбовались куском гранита, вошедшим в сосновую древесину на глубину в палец.

Третья попытка была успешной. Ане удалось проделать под ускорением всё то, что я у неё попросил. Эффект был сокрушительным! Верхняя часть столбика с треском разлетелась на щепки, словно силач с размаху ударил молотом по трухлявой деревяшке. Однако, нужно учесть, что сосновое брёвнышко было сухим и прочным.

– Правда, круто получилось?! Правда?!

– Правда, – кивнул я девочке, – Ну что? С дарами разобрались. Идём?

– Куда? – с удивлением спросила Аня.

– Как куда? – деланно изумился я в ответ, сделав такие же

большие глаза, как собеседница, – Искать бесплатную столовую, чтобы пообедать, и потом бесплатную гостиницу, чтобы заселиться...

– А чего их искать? Пойдём, – сунула бывшая беспризорница своего «Носорога» в набедренную кобуру, – Я знаю где, покажу.

Только мы отошли от мишеней, подбежал мужичок и принялся собирать что-то.

– Что он делает? Кто это? – не смог скрыть изумления я.

– А... Это Герасим. Дурачок местный, – пояснила Аня, – Собирает гильзы для ксеров...

Глава 9

Бесплатная гостиница располагалась во Внешнем Кольце и оказалась самым обычным общежитием, построенным по типовому проекту. На первом этаже сидел вахтёр. Мелкий плешивый мужичок, не проявивший ко мне совершенно никакого интереса. Он только Ане запретил увязаться за мной хвостиком, и всё. Ходу женщинам в мужскую общагу не было. Наверное, оно и правильно, однако ограничения неприятно царапнули изнутри. Вселившись в комнату, обнаружил, что пока в ней один. Если учесть, что компанию я не очень-то любил – это оказалось хорошей новостью. Матрац, постельное бельё с синими штампами и всякие такие мелочи, вроде зубной щётки, тут выдавали бесплатно, что не могло не радовать. Вероятно, мы не первые, кто пришёл в Зимний в буквальном смысле с голой задницей.

Трудно утверждать наверняка, были тут отдельные комнаты или нет. Если и были, мне их не показали. Сложно ожидать повышенного сервиса от бесплатного, можно сказать, благотворительного жеста. Стаб и так заботится о новоприбывших, надо бы благодарить его жителей за это. Времени на обустройство потребовалось немного. Получил ключи от комнаты и кое-какие вещи по мелочи, забросил всё в комнату, а минут через пятнадцать мы с Аней уже шагали к столовке, которая тоже не впечатлила. Это было длинное одно-

этажное кирпичное здание под двускатной шиферной крышей. Обостренное обоняние уловило аппетитный запах еды. Внутри был большой общий зал, не заполненный и на четверть. Круглые столы на четыре персоны застелены белыми скатертями, украшены живыми цветами и бумажными салфетками. Единственное, что отличало столовку от миллионов других в родном мире – узкие, как бойницы, окна. Становилось ясно, что в случае боевых действий или прорыва заражённых тут будет организован очаг обороны.

Аня, на правах бывалой, взяла на себя хлопоты по заказу еды.

–Здравствуйте, – подошла она к симпатичной, румяной полной женщине в красивом фартуке и накрахмаленной белой пилотке, – Два бесплатных обеда, пожалуйста.

–Здравствуй, Анечка. Давай ваши айди.

Приняв от нас документы, она пискнула кардридером.

–А кто этот красный молодец с тобой? Уж не тот ли рыцарь, который вас оберегал всю дорогу до стаба? – улыбнулась работница общепита и спросила удивительно мелодичным голосом.

Вообще, пышки не моя тема, но есть такой тип женщин... Кровь с молоком. Пышущая здоровьем и женственностью, словно шагнувшая за прилавок прямиком из древнерусской былины. Нежная молочная кожа лица оттенялась ярким румянцем на щеках, ничего общего не имеющим с косметикой. Губы сложились манящим бутонем, а светло-карие гла-

за смеялись. Такой цвет ещё называют медовым. Очень тёплое определение, как и эти глаза. На груди лежала толстая коса пшеничного цвета.

Лицо отличали правильные и симметричные черты. Да и внешность в целом можно было назвать модельной. Женская пышность форм сочеталась со спортивной упругостью движений. С первого взгляда было видно, что она не просто здоровая, а вполне может и в горящую избу, и коня на скаку. Что не просто способна к воспроизводству здорового потомства, а будет выстреливать здоровеньких пухлых карапузов хоть каждый год при необходимости. Ух, какая!

Так и захотелось сказать что-то вроде – есть женщины в русских селениях, но мой взгляд скользнул по манящей округлости внушительной груди и наткнулся на бейдж с именем «Европа». Настолько неподходящее имя, что наваждение как-то само собой схлынуло. Назваться бы ей Варвара или, там, Акулина и было бы отлично, но нет – Европа! Европа, блин!

–Европа, привет, – я протянул лапу для рукопожатия, – Орк.

–Привет-привет, – улыбнулась она мне, попытавшись жмякнуть лопатообразную ладонь, – Рыцарь...

–Спасибо! – подхватил я свой поднос и отвернулся.

–Приятного аппетита!

Выбирая столик, подверг своё состояние самоанализу и понял, что слишком долго был один, без женщины. Гормоны

кипят, вот и залипаю на ровном месте.

Еда была простая. Борщ, пюре с котлетами по-киевски, овощной салат, компот, пара красных яблок и по полтора литра живуна на человека. Порции гигантские. Глядя на это изобилие, с трудом поверил, что всё это бесплатно. Оказалось, проголодался я намного больше, чем сам подозревал. В той, прошлой жизни никогда столько не ел, но и квазом тогда я тоже не был. Аня отказалась от борща – что только порадовало меня – проглотил и его.

Здесь было самообслуживание. Посуду надо было отнести к специальному окошку. Когда туда шел, Европа снова весело меня окликнула:

–Орк, наелся? Может добавки?

–Спасибо, – я поблагодарил и отрицательно мотнул головой, – Из-за стола нужно вставать с лёгким чувством голода. Откажусь.

–Ну как знаешь...

На улице начало смеркаться, и пошел лёгкий снег, заметно похолодало. На следующий день решил себе прикупить одежды посерьёзней красного модного спортивного костюма, вроде что-то на карту прилетело.

–Счастливо, Стрекоза, – ухмыльнулся я, проводив Аню, – Давай быстренько домой. Всем привет от меня.

Девчонка забежала в женское общежитие, а я решил зайти и пропустить стаканчик-другой. К тому же, по пути видел заведение «Усталый Рейдер», чья вывеска манила всех жаж-

душих в ночи неоновыми огнями.

Внутри было немного народу. Бородатый рейдер, напивающийся в гордом одиночестве, да компания из трёх парней спортивного вида. Прошел к стойке и залез на высокий стул.

–Привет, – окликнул меня бармен в камуфляже, – Я Смак. Что будешь пить?

–Привет. Меня Орком окрестили. Буду ром.

–Отличный выбор, Орк, – подмигнул мне Смак, – Кубинский?

–А белорусский или доминиканский есть?

–Белорусский? – бармен безобидно рассмеялся, – Это тот, который запахом картошки отдаёт?

Я непонимающе уставился на него. Подвижный мужчина выглядел лет на тридцать. Круглолицый, плотный, невысокий. Небольшие залысины и короткая русая борода. Весёлые серые глаза весело изучали меня.

–Забей, – махнул он рукой, – Выверты мультиверсума. Нет, Орк, белорусского нет. Доминиканский имеется. Лёд?

–Нет, просто стакан. Льда не надо.

–Что-нибудь запить? Пожевать?

–Если выпивка хорошая, закусывать её не надо. И так приятное послевкусие должно остаться. А запивать... Я не запиваю. Если не нравится, просто не пью.

–Идет! – хмыкнул Смак, выставляя передо мной стакан и наливая в него янтарной жидкости на два пальца, – Барсело, мой любимый из доминиканских.

Марка была незнакомая. Понюхал, попробовал. Понравилось. Выпил.

–Сколько за стакан? – спросил я бармена.

–Четыре кредита за бутылку, – ухмыльнулся Смак, – Но тебе сегодня за счёт заведения.

–Отлично, – кивнул я в ответ, – Давай тогда сюда эту бутылку и чашку кофе.

–Конечно! – передо мной появилась стеклянный сосуд с уже знакомой этикеткой, – Пожалуйста.

Я выпил и снова налил, на этот раз сам. Мне определённо начинало нравится в здешнем постапокалипсисе. Койкой с чистым бельём обеспечили, кормят от пуза, живуна дали, лечат, наливают в баре, и всё бесплатно. Какая прелесть! Понятно, что через месяц эта халява закончится, но это целых четыре недели, за которые можно решить чем заняться. Тем временем Смак вернулся с большим бумажным стаканом, распространявшим запах заваренного зернового кофе. Отпил. Без сахара, всё как я люблю.

–Почему угощаешь меня бесплатно? – решил задать вопрос я.

–За год до того, как ты здесь появился, я знал твоего двойника, – пояснил бармен, – Он не был квазом, как ты, но у него тоже была морпеховская татуировка с белым медведем, какую делают в Шестьдесят первой ОБРМП. (* Отдельная бригада морской пехоты)

–Двойник, – не поверил своим ушам я, – В смысле, он

тоже служил в шестьдесят первой Киркенесской?

–В прямом смысле, Орк. В прямом, – ответил Смак с едва заметной снисходительностью, – Он тоже пришёл с мерцающего кластера. Только ты приволок с собой гарем, а Витязь взял и притащил двух пленных языков.

Глава 10

– Пиковых? – зачем-то уточнил я.

Бармен заразительно засмеялся.

– Вижу, тебя уже тоже потрепало, да?

Я снова налил себе, неопределенно пожав плечами. Решительно не нравилось, что относительно моей личности тут уже в курсе если не каждая собака, то уж совершенно точно все заинтересованные лица.

– Года два назад я и Витязь обороняли от пиковых Железнодорожный, – навалился на стойку со своей стороны Смак, – Он хороший воин был и друг. Давай помянем что ли...

Он налили себе рюмку водки. Выпили. Помолчали. Новый знакомый со скорбью, а я с полнейшим внутренним раздражением. Я, только немного другой, уже топтал в Улье кластеры. Да, может тот «Я» отличался. Был, например, приличным семьянином и отцом семерых детей. Но, ведь, это был я, трагически и скоропостижно погибший.

– Слушай, расскажи как вы с Витязем вообще познакомились? – спросил я, – Он с моего кластера был? Насколько велика вероятность, что это я и есть?

– Нулевая, – отрезал бармен, – Мы все не просто так принимаем новые имена, попав в Улей, Орк. Илья Казанский остался в своём мире, а ты здесь, и ты – копия. И таких ко-

пий по этому миру может бродить не одна и не две.

– Как-то во всё это с трудом верится, – с сомнением дернул плечом я, – Ничего такого в себе не чувствую...

– Не чувствует он, – совсем уж неприлично заржал Смак, – Ты в зеркало-то смотрелся? Ты квазизаражённый, друг мой. Нет тебя больше прежнего. Есть Орк, а поминали мы только что твоего двойника из другого мира мультиверсума.

– В голове не укладывается...

– Выпей ещё, – понимающе кивнул радушный хозяин, – Пей, сколько нужно. Сегодня для тебя всё бесплатно в этом заведении. И не стесняйся. Тут похмелья не бывает, а если совсем уж тяжело, живчик за две минуты снимет абстинентный синдром любой тяжести.

– Спасибо, Смак, – благодарно кивнул я, – Так как, говоришь, вы познакомились с Витязем?

Бармен наполнил свою кружку пивом и предложил мне, но я отказался, продолжив цедить жидкий огонь из солнечной Доминиканы. Не люблю смешивать напитки в принципе, да ещё и такие разные по вкусу и градусу.

– Я служил в охране торгового каравана, но там долгая и печальная история. Караван наш зажали внешники и пиковые. Спаслось всего несколько человек. Так я осел в Зимнем, но пришел я сюда почти нищим. При себе было два с половиной рожка 5,45 и АКМ. Сам понимаешь, с такими активами в Улье особо не разбежишься, – он припал к своей

кружке, – Так я и попал в отряд Кокса. Крупный был отряд стронгов...

Я поднял палец.

– Кто такие стронги, подскажи, пока я не забыл спросить...

– Кто тебя крестил, Орк? – улыбнулся Смак.

– Мамба. Та ещё чёрная стерва.

– Ясно тогда, – улыбка Смака стала ещё шире, а глазки стали маслянистыми, – Слышал о ней и видел. Горячая шоколадка. Девочка огонь!

Когда пауза начала затягиваться, я напомнил:

– Стронги...

– Стронги – это ребята, которые кошмарят внешников и муров, – недобро усмехнулся Смак, – Свои парни. Правильные.

– Что было после того, как ты попал в отряд Кокса? – направил я разговор в интересующее русло.

– Там мы и познакомились с Витязем, Кали и Гантелей...

– Погоди, – щёлкнуло у меня в голове, – Тем самым Гантелей, у которого сейчас своя группа?

– С ним, – степенно кивнул Смак, – Да.

– Кали в его группе? – никак не мог я ухватить беспокоившую меня мысль.

– Верно...

– Ладно, не важно, – отхлебнул я горячий кофе, – Что случилось в Железнодорожном?

– Трёхнедельная осада там случилась, Орк. Железнодорожный крупный стаб, там людей много живет, это хорошо для торговли, но плохо для обеспечения. Воды своей у них мало, – Смак приложился к кружке, – Иммунные выносили и сильней людей, но видишь ли, какая штука, пищи нашим телам нужно больше, как и воды, впрочем. Если на Земле ты мог не есть сорок дней и не сильно волноваться за здоровье, при условии, что сердце нормально работает. Здесь через несколько дней голодовки организм начнёт поглощать подкожный жирок, через неделю или десять дней – мышцы. А без воды совсем труба.

– Хм... Интересно.

– Ты спрашивай если что интересно, – благодушно кивнул Смак, отпивая из своей кружки, – Мы все были свежаками.

Я открыл было рот, чтобы дальше начать задавать вопросы, но меня прервал звук, который я думал, уже никогда не услышу. В кармане Смака завибрировал смартфон.

– Алло! – поднял он трубку, – Да! Да-а? Сейчас буду!

Бармен сунул мобильный телефон в карман.

– Слушай, Орчище, – улыбнулся он мне, – Не в службу, а в дружбу. Мне отлучиться нужно, буду через пятнадцать минут. Пригляди за заведением.

Я кивнул, наливая себе в стакан рома.

– Без проблем...

Он поспешно вышел, а я остался сидеть у стойки в одиночестве. За спиной слышались возбуждённые голоса ком-

пании «спортивных». Оглянулся. Бородатый рейдер за своим столиком, видимо, достиг своей цели и пребывал в алкогольной нирване, уткнувшись в руки лицом, он сладко спал.

Догадка подтвердилась, возбуждились те три парня. Мой взгляд перехватил смутно знакомый тип из «спортивных».

– Какого хрена пыришься, свежачок? – вполголоса бросил он мне.

Сделал вид, что не расслышал вопрос. Нужно будет – я поясню. Налил себе ещё рома, но пить не торопился. Уделил внимание кофе.

Что меня волнует? Ну уж точно не этот кекс из спортивных. Тогда что? Верней не что, а кто. Беспокоит меня Кали, состоящая сейчас в группе Гантели. Гантеля, Кали, Смак и мой, ныне покойный, двойник Витязь... Они все были членами одного отряда, которым командовал Кокс. Имя, прямо скажем, для командира такое себе, но ведь и меня по непонятной приходи Мамба крестила Орком, тут далеко ходить не надо, достаточно в зеркало посмотреть, и сразу ясно будет, за что она так меня. Если они все боевые товарищи, то... Что? Так ли случайно Кали появилась на нашем родном кластере, с которого мы все начали свой путь в Улье? Случайно ли она оказалась в той рюмочной и сыграла роль в моей судьбе? Не скажу, что я ярый поклонник гуманитарных наук, но однажды читал Вольтера, и в голове засела одна цитата, почерпнутая у классика: «Случайностей не существует – все на этом свете либо испытание, либо наказание, либо

награда, либо предвестие.» Значит не случайность... Не зря ведь она именно мне брошюру дала?

Ход моей мысли был прерван. За спиной раздалась шаги. Дверь не открывалась, значит, ко мне со спины приближается кто-то из клиентов. Бородатый так громко сопит, что слышу его от стойки. Вариантов остаётся не так много. Это один из компании «спортивных».

Допил ром и плеснул ещё, поставил бутылку и залез во внутренний карман. Пистолет я оставил в номере, так как там был оружейный шкаф. По Зимнему ходить с пистолетом в кармане противозаконно. Вот если он у тебя на виду или кобура... Дурацкий закон!

В отражении начищенного стеклянного стакана я видел приближающиеся фигуры.

–Эээ... Слышь... Свежачок, а куда Смак ушлёпал? Нам бы «Талки» бутылку...

–Берите, – разрешил не оборачиваясь, – Я передам чтобы записал на ваш счёт.

–Он передаст! Передаст! – заржал один из них.

Другой с заячьей губой подхватил:

– Мосет он того? Не передаст, пидеразз? – за сомнительной шуткой последовал очередной взрыв пьяного хохота.

– А чё не оборачиваешься? – голос набирал агрессивности, – Чё, ссышь в глаза посмотреть, недокваз?

– Вы кто такие? – спокойно спросил, не оборачиваясь, – Я вас не знаю. Идите... займитесь своими делами...

– Я Габриэль, это Шпунт, это Стылый, – представил всех по очереди он, – А ты кто будешь?

Я медленно обернулся, держа в руках полупустой стакан.

– Ой, блин! – отпрыгнул от меня Шпунт, которого отличала заячья губа, – Страсный какой свесак!

Я печально вздохнул, нарочито медленно взял бутылку доминиканского жидкого огня и начал наполнять стакан.

– Сто всдыхаес? – спросил меня агрессивно Шпунт.

Глава 11

Ситуация становилось смешной, но от того не менее опасной.

– Братуха, ты чё такой грустный? – завопил нетрезвым голосом Стылый.

– Писюн сосал невкусный? – вторил ему Габриэль.

Компания дружно заржала, а когда они закончили, я медленно произнёс:

– Знаешь, дружище, я тут совсем недавно, но понял одну простую истину...

– И какую? – подался вперёд Габриэль.

– Люди в Улье делятся на две основные категории...

– Это на какие? – с готовностью спросил он, – На уродливых недоквазов и нормальных пацанов?

– Нет... На тех, кто хочет в одиночестве степенно выпить, и тех, кто тьявкает, как брехливая сучка, и мешает первым, – преувеличенно спокойно ответил я, делая глоток из стакана, – Мешаете вы, Габриэль...

– А ты чё борзый такой? – процедил Шпунт, – Пошили, на улицу выскочим, без дураков пообщаемся!

– Без дураков никак не выйдет, вы уже пришли, – ухмыльнулся я, – Здесь общайся...

Не договорил, так как разговоры мне надоели. Было совершенно ясно, эти трое чувствуют за собой силу и направ-

шиваются на драку, но по какой-то причине не могут напасть на меня первыми. Им необходимо, чтобы потасовку начал я.

Вообще, бояться уличной драки – это нормально, потому что неизбежно наступят последствия либо для здоровья, либо юридические. Как говорят – один ляжет, другой сядет. Только психи не боятся никого и ничего, и то в момент обострения своего недуга. Возможно, в той, прошлой жизни Илья Казанский не стал бы усугублять конфликт и искал бы мирное решения. Но Илья Казанский остался в своём родном мире, а я тут. И я – больше не он. Я – Орк. То, что претерпела метаморфозу не только моя физиология, но и, по всей видимости, личность, понял когда внутри закипела чёрная ярость. Мне было недостаточно просто дать по морде этим троим. Всё мое существо желало их сокрушить, растоптать, уничтожить.

Я попал в этот злобный мир не по своей воле и превратился в чудовище тоже не от великого желания. Ещё и алкоголь почти не взял, а выпита уже почти половина бутылки сорокаградусного рома. Раздражение готово было освободиться мощным взрывом, и я не стал его сдерживать.

В руках у меня были стакан и бутылка, у моих противников – по пистолету. И шутить они со мной закончили. Моё новое зрение отметило, что лёгким плавным движением Шпунт растянул застёжку клапана кобуры.

Резким движением руки я выплеснул ром в глаза Габриэля, бутылку разбил боковым ударом о голову Стылого. Со-

суд из тёмного стекла разлетелся мелкой крошкой, оставляя в моём кулаке жалкий осколок. В общем-то это всё, что я успел сделать, Шпунт с ненормальной скоростью отпрыгнул и выхватил оружие. Не успел я обрадоваться, что вырубил Стылого и нейтрализовал на время Габриэля, пистолет Шпунта взял меня на прицел. Оставалось только укрыться за орудием и трущим глаза разговорчивым спортивным парнем, назовёмся странным именем Габриэль. Треснуло три пистолетных выстрела, тело Габриэля дёрнулось в моих руках несколько раз и обмякло.

Серьёзно? Этот утырок завалил своего кореша? Вот это да!

Выглянул из-за тела. Увидел, что бородатый вскочил со своего места и во все глаза смотрит на происходящее в баре, словно боится упустить какие-то детали. Шпунт с пистолетом начал поворачиваться в его сторону. Лоб бородатого прорезали поперечные морщины, глаза округлились, а рука дернулась к поясу, но увы, он также, как и я, пришёл выпить в бар без нагана. Кто ж знал? Стаб вроде приличный, вон сколько законов написали, в каждую гостиницу оружейных шкафов наставили.

– Беги! – рявкнул я.

Не хватало, чтобы этот отморозок завалил ещё случайного свидетеля.

Мужик словно оттаял после окрика и бросился наутёк, но перед самым выходом его ботинки проскользили и он растя-

нулся на полу. Пистолет проследил за бородатым рейдером. Нет. Так дело не пойдёт.

Со всей силой швырнул всё ещё зажатый в правой руке осколок бутылки с горлышком в стрелка. Попал! В голову попал!

Шпунт покачнулся. Грохнули два выстрела, но пули попали не в рейдера, а выбили щепки из досок пола рядом. Бородатый не стал дожидаться третьего выстрела и буквально вывалился из «Усталого» наружу. Я тоже не дал шансов этому стрелку, а бросился на него. Прямо так, как был, в обнимку с мертвым телом. Сбил Шпунта с ног и навалился сверху. Левой рукой ухватил его за запястье правой и прижал к полу, правой схватил этого гада за горло и сдавил. Противник попытался меня несколько раз ударить левой рукой, но позиция больно у него неудобная была. Атаки получились смазанными и медленным, но все достигли цели. Однако, оказалось, что боли от ударов я не ощущаю. Противник был аномально силён, левая рука с пистолетом начала нехорошо выворачиваться из захвата, того и гляди наведёт оружие на меня. Тогда, решился ударить его лбом в переносицу. Раз! Другой! Третий!

Рука ослабла, пистолет из неё с металлическим стуком вывалился. Противник «поплыл», но было уже не остановиться. Гнев, долгое время копившийся во мне, наконец нашёл цель.

Сзади послышался шум. Обернулся. Оказалось это Сты-

лый пришел в себя и пытался вернуть себе вертикальное положение. Не хватало, чтобы этот засранец наделал во мне дырок! Я бросил обмякшего противника и подскочил к всё ещё оглушенному Стылому. Вырвав из его руки пистолет, отшвырнул его в сторону, и приподнял противника за грудки левой рукой, краем сознания отметив, что силы мои значительно возросли. Он ещё пытался вяло сопротивляться, когда я обрушил на него град частых, сильных и болезненных, но совсем не техничных ударов. Казалось, я готов был рвать этих придурков голыми руками, но сознание быстро возвращалось в затуманенный гневом разум. Понял, что противник болтается в моей руке словно тряпка. Отбросил его от себя и, стоя посреди зала пустого «Усталого», понял, что не знаю, как действовать дальше. Если опираться на опыт прошлой жизни, нужно вызывать жандармерию и карету скорой помощи. Вот только мобильного телефона у меня нет, номер я не знаю.

Раздался голос за спиной.

– Вот это ни хрена себе...

Обернулся, встретился взглядами со Смаком. Бармен уже доставал трубу.

– Орк, – ухмыльнулся он, – Я, блин, тебя на пятнадцать минут оставил...

– Извини. По-другому не получилось, – извинился я, – Сидел, никого не трогал.

– Я вызываю знахаря и законника, – предупреди он, –

Проблем не будет, это какие-то совсем уж печальные неудачники. Этот Стылый, а этот Шпунт. Три месяца ещё в Зимнем не живут, а гонора на семерых.

– Надо третьему помочь? – неуверенно спросил я, – Перевязать, что ли, или ещё чего?

Смак дёрнул плечом.

– Витязь тоже таким был, – ответил бармен, – Правильным. Но ты бы попроще себя вёл. Правильные да лучшие в Стиксе первыми уходят.

Он прошёл к раненому и бесцеремонно воткнул ему в область сердца, неизвестно откуда взявшийся шприц-тюбик.

– Лайт-спек, – пояснил Смак, заметив мой вопросительный взгляд, – Всегда с собой ношу.

После этого бармен перемотал грудь раненого полотенцами. Без особой осторожности и брезгливости.

– Снадобье кого угодно на ноги поставит, если он ещё не сплёл лапти, – закончив с перевязкой, он прошёл за стойку и вызвал всех, кого нужно, – Присаживайся, – он кивнул на один из стульев, – Тут Законника подождём.

Я послушно опустился на стул.

– Ты завалил этого? – спросил Смак, налив мне ром в стакан.

– Нет, – ответил я опрокидывая в себя янтарную жидкость залпом, – Они подошли и докопались, потом один схватился за кобуру, я и вломил.

Бармен внезапно заразительно заржал во весь голос.

– Нормально так вломил! – сквозь слёзы пояснил он приступ веселья, – Возвращаюсь в бар, а тут три трупа, у одного торчит залу...

– Что здесь происходит?! – властно рявкнули от входа.

В «Усталом Рейдере» появилось новое действующее лицо. Это был мужчина невысокого роста в длинном пальто и широкополой ковбойской шляпе, бросавшей на его лицо тень.

Глава 12

– Трое напали на моего посетителя, Законник, – чётко по-военному ответил бармен и указал на меня, – Вот потерпевший.

– А это, стало быть, нападавшие? – спросил новый персонаж.

– Так и есть, – согласился Смак, – Мой посетитель пришёл без оружия.

– Разберёмся, – пообещал подошедший к стойке Законник, – А ты парень, со мной прогуляешься.

На запястье защёлкнулся стальной браслет наручника.

– Но я не виноват ни в чём, – попытался протестовать я, – За что?

Под полой шляпы оказалось азиатское лицо с внимательным холодным взглядом.

– Записи с камер? – холодно поинтересовался он у Смака.

– Камеры в рабочем состоянии, – согласился бармен, – Закрою заведение пораньше и принесу в участок.

– Хорошо, – согласился Законник, – Идём.

На улице стояла БРДМ-1 окрашенная изломанными пятнами зимнего камуфляжа. Меня посадили в десантное отделение, закрытое от водительского.

Как это ни странно, но нервная встряска и прилив адреналина привели меня в чувство после больницы, тяжёлые на-

вязчивые мысли о том, как я устроюсь на этом новом месте, испарились из головы. Эмоциональный всплеск и драка помогли почувствовать свой обновленный организм в полной мере. Пока лежал в больнице, мутировавшее тело ощущалось как чужое, ватное, но сейчас всё изменилось.

Несмотря на несколько мощных ударов, которые получил в голову, чувствовал себя свежим и бодрым. Мышцы пришли в норму и требовали нагрузки. Ясность мысли стала кристальной. Сухим морозным воздухом дышалось свободно и легко. Претерпевший метаморфозу организм переполняла энергия.

Несколько раз уже приходилось слышать, что квазы значительно сильнее и живучее остальных, в этом они могут поспорить с заражёнными. Много раз мне уже указывали, что я стал страшным, то есть опасно похожим на развитого бегуна, но впервые я почувствовал не только недостатки своего перерождения, а ещё и преимущества.

Тело стало намного сильнее человеческого. Скорость, реакция и ловкость не шли ни в какое сравнение с теми же параметрами, что уж там, заплывшего жирком моего прежнего тела. Органы восприятия стали острее. Я лучше видел, слышал и даже ощущал те запахи, о которых не догадывался в своей прошлой жизни. Цвета воспринимаемого спектра выглядели по-другому. Намного ярче стали красные цвета, я стал легче улавливать даже самое мелкое движение. Это не объяснить в двух словах – словно внезапно излечился от

глухоты и сделал операцию по улучшению зрения.

Пока я тренировался абстрагироваться от избыточной сенсорной информации, небольшая боевая машина доехала до здания, которое сложно было спутать с другими. Это что-то вроде полицейского околотка. Без разговоров Законник засунул меня в камеру.

Через час или около того я услышал хриплую ругань моей крёстной и какую-то невнятную возню за стенкой. Вскоре смог лицезреть её саму.

Мамбу природа статями не обидела. В отличие от подавляющего большинства негритянок, она не страдала избыточным весом. Нет, фигура моей крёстной пусть и не тянула на эталонные девяносто-шестьдесят-девяносто, зато её рост можно было запросто назвать гренадёрским, а в моём мире в гренадёры не набирали никого ниже метра восьмидесяти. Для женщины это очень прилично. Плечи и предплечья говорили о том, что Мамба или очень долго и регулярно зависала в спортзале, или же много и тяжело физически работала. Развитая мускулатура на её атлетичной фигуре смотрелась внушительно, а эбеновая кожа это впечатление только усиливала.

Неизвестно, кто и как решил обезвредить и скрутить мою крёстную, и сколько мужчин потребовалось, чтобы защёлкнуть на её цвета чёрного дерева запястьях стальные браслеты наручников, но для того, чтобы это получилось, ей на голову натянули мешок.

Законник привёл женщину в согнутом состоянии головой вперёд, удерживая скованные руки вверху, и так и закинул её ко мне за решётку, без особого уважения к женскому полу.

Некоторое время Мамба ругалась на смеси испанского и английского языков. Не слишком улавливал смысл, но экспрессии и страсти в этом спиче было хоть отбавляй. Подошёл к ней и снял мешок с её головы.

– Орк! – гневно выпалила женщина мне в лицо.

– Мамба, – улыбнулся я ей, – Рад видеть, что с тобой всё в порядке.

– Давай сюда руки, – холодно сказал Законник, стоявший за решеткой, – Расстегну.

– Это всё незаконно! – выпалила крестная, – Вы права не имеете!

– Имею, – с ледяным спокойствием возразил местный полицейский, – Ментата нет в стабе. Утром отделию овец от козлиц. Эту ночь поспите в кутузке, не рассыплетесь.

Мамба просунула руки через решетку. Щёлкнули браслеты наручников. Законник ушёл. Мы остались в тишине камеры.

Под камеры предварительного заключения был выделен цокольный этаж в левом крыле здания. Монолитные толстые железобетонные стены скрадывали звуки, небольшие оконца амбразурного типа больше были похожи на бойницы, что наводило на мысли скорей о бункере, чем о КПЗ. Решётки были во всю стену. Вдоль стен были вмурованы скамьи, хо-

рошо подходящие для того, чтобы на них и сидеть, и лежать. Однако, без особого комфорта. Устроился на одной из них.

Зауток в дальнем углу комнаты был отведён под туалет, о чём сообщали однозначные неприятные запахи. Нужно сказать, не резкие, тут хорошо убирались, но очень любили хлорку. Запаха этого дезинфектора было куда больше, чем запаха туалета, но оба запаха смешивались в непередаваемое амбрэ, терзавшее моё обострённое обоняние. Пока я абстрагировался от неприятных ощущений, ко мне подседа Мамба.

– Пил, негодяй? – спросила она просто, как спрашивает сестра младшего брата.

– Пил, – согласился я, – Но не достиг нужного результата.

– Больше не пей без меня, – посоветовала женщина, – Иначе я сама тебе навешаю. Понял?

Оставалось только улыбнуться и кивнуть.

– Как ты здесь оказалась?

– Смак позвонил, – откинулась негритянка на стену, – Сказал, что тебя в участок отвезли. Поспешила сюда с ним. Он доставил запись, а я сделала копию.

– Зачем копию? – заинтересовался я.

– Законник имеет очень однозначную репутацию, – пожалала плечами моя крёстная, – Он суров, но неподкупен. Непри- мирим, но руководствуется законом. И вообще очень пра- вильный рейдер, живущий в Зимнем уже лет с десять. Сам понимаешь, что люди, топчущие Улей долго, меняются. За-

конник и в своём мире был полицейским, и тут страшной его у муров врага нет.

– Тогда мне нечего опасаться, – сделал я вывод, – Я не понимаю, зачем ты сделала копию записи, и какого чёрта тебя заперли вместе со мной.

Мамба тяжело вздохнула.

– Даже самые неподкупные и непримиримые могут прогнуться под желания власть имущих...

В следующую секунду её настроение переменялось.

– Я смотрела запись с камеры, – подскочила она со скамьи словно пружина, – Как ты тому – бац, а этому хрясь! Ты крут, крестничек! Я это поняла ещё тогда, когда ты сжёг бронемашину муров, но что настолько хорошо умеешь драться! Это же поэма, написанная в багровых тонах, а не кабацкая драка! Ты один расправился с тремя вооружёнными мужиками, как со слепыми котятами!

– Но-но, – остановил я поток восторгов, – Котиков не тронь! Котики это святое!

Мамба расхохоталась.

– К тому же, не так все просто было, – потрогал я распухшую правую половину лица, в которую прилетели удары, – Тоже получил. Почему тебя закрыли со мной?

– Я пришла со Смаком в участок, мы принесли запись!

– Так, – согласился я, – Ты это уже сказала. Это не противозаконно вроде бы.

– Нет, Орк, – уставилась на меня Мамба чёрными глази-

щами, – Не противозаконно. Я потребовала тебя отпустить немедленно на основании видеозаписи, но Законник отказал...

– А ты что? – поинтересовался я, уже подозревая нехорошее.

– Я ударила кулаком по столу, и сказала, что думаю о законах Зимнего и его умственных способностях!

– А он? – криво улыбнулся я.

Глава 13

– Я ещё сказала, что только в муровских стабах, за самозащиту честных рейдеров хватают, – Мамба приуныла и села ко мне на скамейку, уперев локти в колени и положив на ладони подбородок, – А он не освободил и за оскорбление закона сунул меня к тебе в кутузку...

– Ты же говорила, что Зимний нормальный стаб...

Я улыбнулся, забавляясь перепадами настроения подруги. Ну, да, подруги. Кто, как не своя в доску девчонка прискачет посреди неуютного морозного вечера в околоток вызволять сомнительного уroda из застенков? Только резкая очень, и на язык невоздержанная, а так, вообще-то, моя крёстная самая лучшая негритянка, которую я только знаю. Может, потому что единственная?

– Мамба...

– Аишки? – подняла она на меня свои огромные чёрные глазищи.

– Ты молодчина! Спасибо тебе!

Женщина махнула рукой.

– Я это сделала бы для любого, не только для тебя. Не потому, что ты мой крестник, а вообще для всех, – пояснила она, – Нормальные люди должны держаться вместе. Не только здесь, в Улье, а вообще везде. В стаи отлично сбиваются всякие муры. Если смотреть равнодушно, как власть имущие

позволяют себе любой, даже самый маленький беспредел и беззаконие, то не успеешь оглянуться, как все стабы вокруг станут муровскими и начнут барыжить органами с внешниками. Патроны и снаряды проще так раздобыть, чем с ксерами возиться.

Так-то я стараюсь не особо сыпать вопросами, чтобы окружающим вдруг не показалось, что не владею ситуацией. Часто бывает так, что морда кирпичом намного более ценный актив, чем осведомлённость в мелочах. Но сейчас не тот случай. Мамба меня сама крестила и прекрасно знает о моей неосведомлённости в местных вопросах.

– Я уже не впервые слышу это слово «ксер». Кто это? – задал вопрос Мамбе, – Поясни, пожалуйста.

– Времени у нас теперь до утра, – грустно сказала женщина, – Можно и поболтать. Только я умоюсь.

– Угу, – хмыкнул я, – Давай.

Она стянула куртку и расстегнула ремень.

– У заражённых очень чуткий нюх, – пояснила крёстная, – И слух отменный. Я сначала не поверила, что вы свежаки, но когда увидела, что вы кочегарите примус и готовите на нём... Поняла, что вы ещё зеленей, чем крокодил Гена. Кофе – это не кровь, не мясо. Глупые низшие заражённые не свяжут этот запах с добычей, но вот с уровня лотерейщика они начинают стремительно умнеть. Всё дело в паразитических чёрных нитях мицелия, прорастающего в их споровых мешках. Нити заменяют им... Нет, не мозги... Что-то вро-

де управляющей программы. Я не биолог и не программист. Сложно объяснить такое, но споровый мешок имеется у любой из тварей. Он их ахиллесова пята. Даже у самых развитых тварей, он не зарастает полностью.

Она тем временем уже развязала шнурки, сняла подтяжки армейских камуфляжных штанов и начала освобождаться от свитера.

– А мыться нужно при каждом удобном случае. Мойся при любой возможности. Если бегуны, медляки и лотеры ещё тупят, из-за малого количества нитей, то все остальные вынюхают. Развитые мертвяки легко возьмут и встанут на твой след суточной давности, а потом могут неделями гонять получше любой собаки. Но скорей всего догонят, и довольно быстро. Тебе нужно спать, а они умеют впадать в коматозное состояние, даже не прекращая движения.

– Понятно! – кивнул я, гадая, вся ли она разденется, чтобы поплескаться в небольшой раковине для мытья рук или нет.

Мои гормоны отплясывали гопак. Внезапно я понял, что моя крёстная не просто крёстная, а ещё и экзотическая женщина. И похоже, она что-то такое почувствовала.

– Будешь подглядывать – навешаю! – пригрозила она, – Отвернись.

Выкинуть из головы все посторонние мысли и сосредоточиться на получении информации было непросто, но я взял себя в руки и отошёл к решётке. Встал спиной, чтобы не вызывать подозрений в собственной добропорядочности. Фанта-

зия щедро дорисовала богатые прелести Мамбы.

– Ксеры...

– Ксеры? – ответила она приглушённо, – Вот Смак, например, когда позвонил, я была с цинком твоих патронов, у Репы – местного ксера.

– Вы спасли мой цинк? – удивился я.

– Всё спасли. Винтовку, рюкзак, цинк, спораны и горошины, даже тесак и ремень Акса я прихватила. Вот только патроны промокли. Я за десять процентов отдала их ксеру, чтобы отксерил их заново.

– Отксерил?

– Это Дар такой, – пояснила Мамба, шурша одеждой, – Могут копировать различные предметы. Обычно ксер зажимает в ладони предмет, который желает скопировать, и берёт во вторую ладонь сырьё для его копии. По желанию ксера из сырья получается точная копия предмета. Большинство ксеров не могут копировать предметы, не помещающиеся у них в ладони.

– Уразумел, – согласился я, – Полезный дар, а можно, например, жемчужину скопировать?

Крёстная усмехнулась.

– Нет. Ни один живой объект скопировать нельзя. Все требуемые материалы для копирования должны помещаться в ладонь, и в другой руке уже появляется нужное. Репа слабоват, как ксер, как конвейер клепать патроны не может, но за трое суток с цинком управится должен.

– Зачем ксерам гильзы? – спросил я, припомнив дикова- того вида мужичка с полигона.

– Ну, не вся экономика Улья держится на ксерах, но они одни из главных поставщиков патронов. Им намного легче копировать, если сырьё представлено не набором каких-ни- будь химических элементов, а уже готовыми компонентами или составными частями. Потому гильзы многие собирают и отдают или продают ксерам.

– А пиковые не знают проблем с боеприпасами, так? – за- работали мои мозги в этом направлении.

– Они получают не только боеприпасы, но и оружие, и сна- рягу, и технику, – согласилась Мамба, – Можешь, кстати, уже поворачиваться.

Я сел на лавку.

– Если спонсорство внешников иссякнет, то, думаю, же- лающие покончить раз и навсегда с пиковыми будут выстра- иваться в очередь. Слишком уж многие хотели бы с ними поквитаться, но уж больно силы не равны.

Я не перебивал, а крёстная продолжала.

– Стабы производят боеприпасы, растят своих ксеров и кое-то производят, а муры – нет. Стабы так и основываются, для контроля больших и жирных полян. Обнаружили что-то интересное и нужное, обосновались на самом близком ста- бильном кластере и потихонечку начинают полянку стричь. Кому-то с перезагрузками прилетают военные склады с па- тронами или снаряжением, кому-то оружие, кому-то брони-

рованная техника, а где-то сидит целый цех прокачанных ксеров, успевай им только подвозить гильзы самосвалами, – блеснула белозубая улыбка на чернокожем лице, – Между всеми этими значительными поселениями иммунных ходят караваны торговцев. Как-то так и живём...

И я начал понимать, действительно живут. Да, от прежней жизни почитай ничего и не осталось, но это жизнь, а не выживание, как я было подумал, только попав с Улей. Караваны, торговля, производство, богатые поляны. Всё это признаки какого-никакого, но общества.

– А какая поляна у Зимнего?

Мамба сокрушённо вздохнула, но начала отвечать.

– С основания Зимнего прошло около семидесяти лет. По меркам Уля это очень солидный срок. Прделана титаническая работа. Ну, ты и сам видел, – собеседница сделала пространный жест рукой, – Иммунные тут практически восстановили привычный образ жизни, который вели на Земле. Технологии и труд позволили создать мощную, по меркам стабов, промышленную базу, возвести настоящий город с тремя рубежами обороны.

– Да, – согласился я, – Это впечатляет. И что? Семьдесят лет они сидели на одном месте и не пытались освоить окружающие стабильные кластеры?

– Почему? – удивилась крёстная, – Кое-что колонизировали, но об активной экспансии речи не идёт. Верно построенная логистика позволяет прокормить больше десяти ты-

сяч человек, что очень немало для поселения. Тут пытаются сохранить и приумножить знания. Колония по меркам Улья процветает, но по меркам моей реальности – это заштатный городишко, тут очень многие проблемы не решаются совсем или решаются из рук вон плохо. Население хоть и медленно, но растёт. Иммунные со всех окрестностей собираются в Зимний жидкими, но непрерывными ручейками.

Глава 14

– Какие проблемы, например? – поинтересовался я.

– Например, перенаселение, – пояснила Мамба, – Требу-ются новые освоенные земли и ресурсы. Тотальный контроль правительства за гражданами. Про преступность ты и сам всё уже знаешь, а значит, тотальный контроль во Внешнем Кольце не работает.

Я кивнул, вспоминая взгляды, которыми сопровождали люди красный спортивный «мустанг» Лакмуса.

– Социальная напряжённость растёт, особенно в неблаго-получном Внешнем кольце, стабах, сателлитах, некоторые в прошлом даже откалывались от Зимнего.

– Угу, – кивнул я, и поинтересовался с сомнением, – От-пустили?

– Да, куда там... Железнодорожный с Зимним воевал за независимость лет с десять назад. Ох, и весело тогда было на Северо-Востоке. Сколько техники сожгли и боеприпасов, сколько рейдеров друг-дружке кровь пустили... Даже ска-зать точно невозможно...

– Почему они решили отделиться? – снова задал вопрос крёстной я, – Ведь иммунным нужно вместе держаться, в Улье поодиночке небезопасно. Чем больше сообщество им-мунных, тем безопасней. Так мне кажется.

Я вновь получил возможность полюбоваться белозубой

улыбкой Мамбы, но на этот раз она была грустной.

– Любой, у кого есть хотя бы капля мозга, подпишется под каждым твоим словом, Орк, – вздохнула негритянка, – Это новый мир, но тут живы все человеческие пороки. Деятельностью Комиссаров тут довольны далеко не всё. Если в Цитадели живут местные аристократы, в Городе граждане и специалисты, то во Внешнем Кольце обретаются свежаки и всяческий сброд. Вот тебе простейшая геометрическая задачка... Скажи-ка мне, крестничек, а площадь какого из колец стаба больше?

– Внешнего, что тут думать...

– Внешнего, – подтвердила она, – Тут довольно резкое расслоение общества по уровню жизни. Демография оставляет желать лучшего по понятным причинам. После того как ребёнок становится тяжелей пятнадцати килограмм, он скорей всего заурчит. Какое будущее ждёт стаб Зимний?

– Мда... Неужели никак не устроится? – засомневался я в нарисованной мрачной картине.

Пока всё, что я видел, меня убеждало в обратном. Бесплатная кормёжка, койка, да и вообще подъёмный капитал, насколько я понял куда, как солиден.

– Да почему? Если ты оружием владеешь...

– А если не владеешь? – перебил я Мамбу, – Есть какие-нибудь мирные занятия?

– Да, есть какие-нибудь, – усмехнулась она, – В борделе работа, например.

– Ну, я по понятным причинам для борделя не подхожу, – с деланным облегчением выдохнул я, – А ещё?

Крёстная прыснула со смеха.

– Зря ты так думаешь, Орк, – сквозь смех ответила она, – Любителей и любительниц погорячее хватает!

– Да ну тебя! – я криво усмехнулся в ответ.

– Правильно, – согласилась она, – Не нужно особо никому в Улье верить. Давай спать.

– Давай...

Предложение лечь спать было скорей вынужденным, потому что погасили свет. Мне казалось, что я не засну после перипетий сегодняшнего дня, но оказался неправ. Стоило мне улечься на жёсткую деревянную скамью, как провалился в крепкий сон. Проснувшись, некоторое время никак не мог понять, кто я и где я, но потом крёстная пожелала мне излишне бодрым голосом доброго иммунного утречка, и всё встало на свои места.

Прислушался к своим внутренним ощущениям: состояние далеко от идеального. Появилось мерзкое, сосущее изнутри чувство, небольшая деревянность, скованность движений – словно склизкий, тяжёлый, холодный шар появился в желудке, и жажда, которую не унять обычной водой. Я уже прекрасно знал, что это значит – пришло время выровнять свой спорный баланс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.